

Колдовские
миры

КОМУ ВЕРИТЬ: РАЗУМУ ИЛИ СЕРДЦУ?

ольга
романовская

МНЕ НУЖНО
ТВОЕ «ДА»

Ольга Романовская
Мне нужно твое «да»
Серия «Колдовские миры»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67592756

Мне нужно твое «да» / Ольга Романовская: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-168109-8

Аннотация

Спасаясь от брака с соседским управляющим, Ефимия занимает место сестры на отборе невест императора. Но кто бы мог подумать, что во дворце девушка столкнется с Ленаром Горзеном! Он – первый министр, лучший друг императора. Она – дочь человека, семью которого Ленар некогда отправил в ссылку. Может ли их связать что-нибудь, кроме мести?

Новый роман популярного автора Ольги Романовской ожидается читателями. Автора всегда тепло принимают, а тема отбора невест очень популярна для ромфанта.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	48
Глава 5	60
Глава 6	74
Глава 7	88
Глава 8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ольга Романовская

Мне нужно твое «да»

© Романовская О., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Топот ног сестры Ефимия услышала задолго до того, как Анна стремительно ворвалась в дом, едва не опрокинув ведро с водой. Старшая из девиц Брок с укором посмотрела на нее и, подоткнув юбку, продолжила мыть пол. Безусловно, это не дворянское занятие, а Броки как-никак бароны, но в некоторых случаях черную работу приходится делать самим. Особенно если отныне вы бедны, у служанки выходной, а ты принесла на ногах землю из сада. Не так уж это и сложно – наклониться и убрать за собой. После смазать кожу смесью меда и топленого курдючного жира. Тогда руки останутся гладкими, что бы там ни ворчала матушка.

Анна приплясывала на месте, явно пытаясь привлечь внимание сестры. Пришлось поднять голову.

– Ну?

– Я стану императрицей! – без предисловия выпалила девушка.

Ефимия опешила, даже тряпку отложила.

– С чего вдруг?

– Вот!

Анна с гордостью протянула конверт. Ефимии не доводилось видеть такие с двенадцати лет, когда они жили в столице и держали целый штат прислуги. Белоснежная плотная бумага, тисненый герб Рдожа. Внутри выведенное аккуратным

писарским почерком приглашение явиться на некий отбор и факсимиле Его Императорского Величества Вардена Имериза. Имя получателя не значилось, но по какой-то причине Анна решила, будто письмо адресовано ей.

– Ничего не понимаю!

Ефимия, качая головой, вернула конверт сестре.

– Ну ты темная! – закатила глаза Анна и закружилась по прихожей. – Неужели ты ничего не слышала об императорском отборе?

– Нет, – честно призналась девушка.

Как-то не до того было. То надо съездить к ростовщику, заложить очередные драгоценности, то договориться о починке забора. Это Анна порхает. Мать ее избаловала. Может, чувствовала вину за то, что лишила младшенькую беспечного детства? Она была совсем крохой, когда все случилось.

Анна тяжело вздохнула и, встав в позу, подсмотренную на представлении бродячего театра: чуть выставив вперед ногу и запрокинув голову – пояснила:

– Ну как же, Эффи, по указу императора сделали списки всех незамужних девиц и разослали приглашения. И вот двадцатого числа я должна явиться на заседание отборочной комиссии графства. Без обид, сестренка, но ты не подходишь. В приглашении четко сказано: до двадцати одного года. Там будет еще три сотни девиц, – беспечно добавила девушка, – но это сущие пустяки! Я выиграю.

Ефимия придирчиво осмотрела младшую сестру: вдруг действительно выиграет? Возраст подходящий – шестнадцать, кукольная внешность, которая так нравилась мужчинам: чуть тронутая румянцем кожа, шоколадные локоны, невинное личико, кармин-ные губы. Если в комиссии собрались не старые хрычи и взяточники, оценят. Насчет себя Ефимия не расстраивалась. В императрицы она не метила, излишним тщеславием тоже не страдала.

– Что там у тебя, Анна?

Привлеченная голосами, в прихожую вышла Мелания Брок с пачкой бумаг в руках – до возвращения дочери она вместе с золовкой проверяла счета. Сестра мужа маячила у нее за спиной.

Анна с гордостью протянула матери приглашение.

– Неожиданно! – пробежав бумагу глазами, покачала головой Мелания.

– Ты не рада? – состроила кислую мину девушка.

Ефимия только вздохнула. Совсем ребенок! Хотя такие уловки работали, вот и мать поспешила успокоить дочь, погладила по голове.

– Ну что ты, милая, конечно, я рада и не сомневаюсь, что святая Эрнестина, твоя небесная покровительница, направит руку выборщика к карточке с твоим именем. Я о другом. Странно, что император надумал жениться. Вдобавок не на очередной принцессе и через столько лет! Я полагала, он сохранит верность памяти невесты. Представляешь, – оберну-

лась она к золовке, – нашу Анну вызвали на императорский свадебный отбор.

– Этого следовало ожидать! – фыркнула Анжела. Напрасно Анна ждала поздравлений, тетушка всегда была скупа на эмоции. – Стране нужны наследники. Выбирать среди своих разумно: избежишь ссоры с соседями. Всегда найдутся недовольные, начнут требовать, чтобы предпочтение отдали их кандидатуре. Так и до войны недалеко.

– Но ведь принцесса Марианна забрала сердце императора, – не унималась Мелания. – Помнишь, мы целый год носили траур.

– Ты слишком романтична! – покачала головой золовка. – Императору скоро сорок, тут не до любви, особенно к покойницам. Не бастарду же трон оставлять! Их у Вардена хватает, но толку? Не удивлюсь, если мать попросила императора взяться за ум. Ее величество Алисия крайне практичная, приземленная особа, она всегда мне нравилась. Помнится, когда я...

Анжела не договорила. Ефимия догадывалась: речь об одном из эпизодов далекого прошлого, когда тетка входила в свиту тогда еще не вдовой императрицы. Не повезло ей! Если бы Анжела успела выйти замуж, пила бы сейчас чай или кофе в одной из великосветских гостиных. Но ее покойный отец искал идеального зятя, не желал мириться с любыми недостатками. В итоге к Анжеле перестали свататься, и она превратилась в компаньонку супруги брата.

– Ты права. Сорок – опасный возраст, лучше встретить его женатым.

Золовка хмыкнула. Конечно она права! Собственно, как всегда. Без нее Мелания давно бы пошла по миру. Доверять любому встречному, не считать денег – долго бы она прожила при таком подходе на скромную ренту?

– Смотрите, я императрица!

Анна собрала волосы в импровизированную корону и закружилась по комнате. Даже Анжела растаяла, улыбнулась. Все принялись активно обсуждать предстоящий отбор, только Ефимия осталась в стороне. Откинув на спину косу цвета воронова крыла, она вернулась к прерванному занятию. Ей не терпелось закончить, чтобы открыть привезенный с воскресной ярмарки роман. Он продавался с хорошей скидкой, только поэтому Ефимия позволила себе его купить.

– Эффи, съездишь с ней? Да брось ты эту тряпку! – в сердцах добавила Мелания. – Не уподобляйся крестьянкам, вернется Труди и все сделает. Хватит того, что мы вынуждены на зиму закатывать варенье!

Девушка горько усмехнулась. Мать светилась так, будто помолвка Анны и императора – дело решенное. Между тем ей только предстояло бороться за право попасть во дворец.

– Кстати, тот молодой человек до сих пор к тебе ходит? – деловито поинтересовалась Мелания.

– О ком ты?

Вроде за Ефимией не водилось поклонников. Во всяком

случае, с серьезными намерениями.

– Управляющий графини Малжбетен. Понимаю, он неподходящая партия, но лучше так, чем старой девой.

«Молодой человек»! Да он старше императора, к тому же лысый. Но мать напомнила о неприглядной истине: Ефимии почти двадцать четыре. Еще пара лет – и даже ясные, яркие, как сапфиры, глаза не спасут. Девичий век короток, а мужчины крайне разборчивы.

– Бывает иногда, – пожалала плечами девушка.

Возраст возрастом, но выходить за Льюиса Бара она не собиралась.

– То букетик, то корзинку яблок принесет, – охотно продолжила за нее тетка. – Ты не дурочка, Эффи, сама понимаешь...

– Понимаю – что? – громче, чем следовало, огрызнулась Ефимия и в сердцах кинула тряпку на пол.

– Что мы не в том положении, чтобы разбрасываться женихами, – поддакнула золовке Мелания.

Какой же упрямой уродилась дочь! Баронесса пробовала сговорить ее за мелкого джентри и за младшего сына окружного судьи, но все без толку. Ефимия упорно твердила «нет». В итоге из потенциальных женихов остался только Льюис Бар. Пусть он из второго сословия, зато закончил частную школу в Хайте, главном городе графства, и целый курс проучился на факультете права. Состояние у Льюиса тоже имелось, не ахти, но они с Ефимией могли бы держать прислу-

гу, раз или два в год ездить в театр и завести приличный выезд. Только старшая дочь во всем пошла в отца, даже ростом, слишком высоким для девушки. Какое счастье, что Анна другая! Однако Мелания надеялась, голос разума в Ефимии возобладает, и она не повторит ошибок отца.

– Я и не разбрасываюсь, просто ищу равного.

– Милая, – попыталась урезонить ее мать, – ты больше не дочь победоносного генерала Брока, пора умерить притязания.

– Отчего же, мама, я все помню, – сухо отозвалась Ефимия и оправила юбку. – Но даже в нынешнем положении сохранила крупницу гордости. Хорошо, я съезжу с Анной в город, заодно зайду к модистке. Нижнее белье сестры никуда не годится, если вы прочите ее в невесты императору, придется раскошелиться.

– А как же господин Бар? Ты так ему нравишься.

– Нет, и даже не проси.

Анжела положила руку на плечо невестки. Мол, успокойся, не трогай ее пока.

– Все образуется! – шепнула она Мелании и громко, вернувшись к первоначальной теме разговора, заметила: – Боюсь, одним бельем Анна не отделается, потребуются платья, минимум два. Эффи, заложишь мой гранатовый браслет.

Девушка кивнула. Все четверо понимали: украшение они больше не увидят.

– Возьми, что сочтешь нужным, из моего тайника, – до-

бавила Мелания. – Не поспешишь, но и не переплати.

Анна унеслась наверх, в общую спальню сестер. Наверное, вертится сейчас перед зеркалом, играет в императрицу. Порой Ефимия ей завидовала. Вот бы стать такой же беспечной! Только она не могла. Двенадцать лет назад жизнь разделилась на до и после, ровно пополам. Ефимия даже не знала, где похоронили отца и братьев. Все же девушке повезло, что она была ребенком, иначе не отделалась бы домашним арестом.

Мелания и Анжела шептались в гостиной. Ефимия не придавала этому особого значения. Вылив воду, она занялась цветами – чтобы как-то оживить их скромное жилище, девушка составляла букеты и украшала ими комнаты.

– Эффи, – донесся до нее голос матери, – твое коричневое платье чистое?

Речь шла о муслиновом кофейном платье в мелкий белый горошек.

– Да, – задумавшись, отозвалась девушка, продолжая ловко орудовать ножом на кухне – нужно подрезать и подровнять стебли.

Она ожидала, мать еще что-нибудь скажет, но та промолчала. Наверное, они с тетей хотели, чтобы во время поездки в Хайт обе сестры выглядели презентабельно. Хорошо, Ефимия наденет коричневое платье, ей несложно, заодно представится случай достать из сундука перчатки. В последний раз девушка натягивала их почти год назад, когда графиня

любезно пригласила их на пикник.

Ну вот, букет для гостиной готов.

Ефимия с гордостью осмотрела свое творение. После того как они перебрались в графство Орой, она увлеклась цветами и, по словам многих, обустроила чуть ли не самый лучший в округе камерный садик. Ничего особенного – пара кустов роз, пионы, мечтательные ирисы у пруда, откуда они черпали воду, и местные многолетники. Подхватив букет, девушка направилась в гостиную, чтобы поставить цветы в вазу. Тетя и матушка все еще что-то воодушевленно обсуждали. Ефимия нахмурилась, замерла на пороге, услышав обрывок фразы Анжелы:

– ...после ужина оставим их наедине.

Кого они намерены пригласить, кого и с кем оставить?

Девушка стремительно вошла в комнату, заставив заговорщиц замолчать. Судя по тому, как они дружно отвели глаза, обсуждали Ефимию.

– Мы ждем гостей? – беззаботно поинтересовалась девушка и расправила тяжелые шапки пионов. Они идеально гармонировали с потускневшими золотистыми обоями. – Не думаю, что это хорошая идея. Труды вернется только к вечеру.

– Как раз управится, – возразила Анжела. Она решила взять судьбу племянницы в свои руки. – Ничего особенного, так, посиделки в кругу друзей.

Ефимия насторожилась и потребовала:

– А ну-ка назовите имя гостя!

– Фи, где твои манеры, Эффи! – скривилась тетка. – Надеюсь, завтра вечером ты будешь куда любезнее.

Выходит, не сегодня, а завтра. Явно пригласят очередного жениха, того самого управляющего. Но это уже слишком! Ефимия с громким стуком поставила вазу на столик и, подбоченившись, обернулась к Анжеле.

– Что вы пообещали господину Бару?

– Ничего, – вмешалась в разговор Мелания. Ее невинному взгляду позавидовал бы ребенок. – Мы просто подумали, вам нужно лучше узнать друг друга.

– Насколько лучше? – усмехнулась девушка и предупредила: – Если он сделает предложение, я отвечу отказом.

– Глупая девчонка! – вспыхнула Анжела. От возмущения ее лицо пошло пятнами. – Ты собралась вечно камнем висеть у матери на шее? Хоть раз бы полюбопытствовала, во сколько нам обходится дом, Труди, содержание вас с Анной!

– Перестань, Анжела! – попыталась урезонить ее невестка. – Девочки нам не в тягость.

– Сама перестань, Мелания! – отмахнулась золовка и, нервно заламывая руки, прошла по комнате. – Ефимии двадцать три, двадцать три, понимаешь! Анна юна и свежа, ее мы пристроим. Вдруг карта отбора сыграет? Словом, за нее я спокойна, под старость без дома и денег не останется, но Эффи... Ты желаешь ей участи старой девы, приживалки при той же графине Малжбетен? Сама знаешь, рента твоя, дочери не унаследуют ни медяка. Да уродись этот Льюис Бар

хоть записным уродом, мы должны благодарить всех святых. И ты, Эффи, – стрельнула она глазами по племяннице. – Не воротить нос, а молчать и улыбаться. Я отнесу записку сама, скажу, ты лично просила господина Бара прийти.

Стукнула дверь – тетка отправилась выполнять угрозу.

Обессиленная Ефимия рухнула на диван и прижала ладони к вискам. Она не желала становиться госпожой Бар. Лучше пойти в гувернантки!

– Полно, милая! – Мелания присела рядом с дочерью, привлекла ее голову к груди. – Не так все плохо. Вовсе не обязательно любить мужа, главное, чтобы тебя любили, чтобы человек был хороший. Ты ведь знаешь, мы с отцом... Но разве кто-нибудь назвал бы нас плохой парой? Господин Бар надежный, без ума от тебя. Хорошенько подумай и соглашайся.

Ефимия резко выпрямилась. Глаза ее налились грозовой синевой, пальцы сжались.

– Можешь что угодно соврать господину Бару, но к ужину я завтра не выйду. Так и передай тетке!

Раскрасневшаяся девушка вылетела из гостиной прежде, чем мать успела ее остановить. Мелания сокрушенно вздохнула. Вот что прикажете с ней делать? Вся надежда на Люю-иса. Если он правильно поведет себя с Эффи, склонит весы в свою пользу. Главное, заткнуть рот Анжеле. Будто она сама не видит, что, агрессивно подталкивая племянницу к замужеству, наоборот, его отдаляет.

Ефимия стремглав влетела в общую девичью спальню. К счастью, Анны здесь не оказалось, и девушка смогла дать выход своим чувствам. Она металась по комнате между кроватями, от покрытого вязаной салфеткой туалетного столика до шифоньера, потом взобралась на подоконник. Анна облюбовала его для чтения, натаскала подушек из гостиной. Ефимия же предпочитала праздно любоваться видом на графские яблоневые сады. Всегда, но не сегодня.

У нее всего сутки. Зная тетку, можно не сомневаться: она постарается, чтобы Льюис не уехал, пока не сделает предложения. Ефимия слишком хорошо понимала, чем обернется отказ. Обиженный управляющий настроит против них графиню, а та позаботится, чтобы перед семьей Броксов закрылись двери немногих приличных домов в округе. И если бы только это! Матушке перестанут отпускать товары в долг, кредиторы накинутся, словно стая ворон, а Анна вылетит с отбора прежде, чем переступит порог зала заседания комиссии. Только вот согласиться Ефимия тоже не могла. Она с трудом выдерживала пару минут в обществе господина Бара, а тут всю жизнь... Девушка оказалась между двух огней. Что бы она ни выбрала – все плохо.

Взгляд случайно зацепился за приглашение. Ефимия отвернулась, но уже через минуту встала и взяла в руки конверт. Она тщательно, медленно несколько раз перечитала письмо. В голове вспыхнула спасительная идея. А что, если?.. Тетка сама говорила, у Анны с замужеством проблем

не возникнет, так пусть спасет сестру от незавидной доли.

– А не попытать ли мне счастья? Прихвачу письмо и займу место Анны. Тут ведь даже фамилия не указана, а возраст... – Ефимия бегло оценила отражение в зеркале. – Не так уж старо я выгляжу, сойду за двадцатилетнюю. Мне ведь только от Льюиса и матримониальных планов тетушки сбегать, а отбор... Кто ж меня возьмет? Максимум первый тур пройду, пока родословную чуть глубже не копнут. А пока суд да дело, заведу знакомства с родовитыми девицами, найду место учительницы или гувернантки.

Воодушевленная девушка вытащила из-под кровати потрепанный чемодан, чтобы проверить замки. В последний раз их открывали во время вынужденного переезда на запад. А ведь император мог и на север, на рудники отправить – пожалел. Убедившись, что с чемоданом все в порядке, Ефимия с тоской осмотрела полки шифоньера. Из приличных платьев только одно, то самое, в горошек. Положим, она наденет его на заседание комиссии, но ведь и в остальные дни нужно в чем-то ходить, произвести благоприятное впечатление на потенциальных работодателей.

– Ничего, святой Верасий поможет, – понадеялась на помощь небесного покровителя девушка и захлопнула дверцы. – Да и чем скромнее, тем лучше. Гувернантке не положено притягивать взгляды.

Однако на всякий случай, вдруг авантюра удастся и Ефимия попадет в столицу, нужно прихватить кое-что из вещей

тетки. Они примерно одного телосложения, да и Анжела всегда одевалась со вкусом, даже в ссылке. Шикарными ее платья не назовешь, но они хотя бы яркие, тогда как по настоянию матери Ефимия носила исключительно серое, голубое и коричневое.

А еще ей понадобится заглянуть в нижний ящик матушкиного комода. Там, на самом дне, в холщовом мешочке хранились семейные сбережения. Обкрадывать мать нехорошо, но Ефимия все вернет, да и возьмет немного, дюжину ассигнаций.

Заслышав шаги, девушка очнулась от грез и поспешила спрятать чемодан. Не хватало еще, чтобы Анна застала ее за сборами! Вопросов не оберешься. Лучше притвориться, что до сих пор дуется на тетку. Вот и она, легка на помине, спешит по тропинке к землям Малжбетенов. Анжела упряма, но Ефимия ни в чем ей не уступит.

Глава 2

Столовая небольшого двухэтажного коттеджа была настолько мала, что в нее едва удалось втиснуть длинный тисовый стол. Прежний, скромный, всего на четыре персоны, Меланию не устраивал. «Как можно обедать за таким убожеством? – сразу после переезда в деревню Мелрой заявила она. – Может, я отныне бедна, но не собираюсь тереться локтями о бока дочерей». Буквально через неделю в коттедж привезли новый стол, и с тех пор семейство Брок трапезничало с достоинством, полагавшимся всем дворянам. Подумаешь, приходилось тискаться вдоль буфета и вытягивать животы, чтобы отодвинуть стул, зато не стыдно принять гостей. Правда, они опальных аристократов не жаловали, даже графиня Малжбетен предпочитала звать Меланию, Анжелу и Ефимию к себе, в одну из роскошных гостиных, каждую из которых без потери комфорта можно было превратить в две полноценные комнаты. Разумеется, тактичная графиня никогда бы не призналась, что избегала тесноты коттеджа. Она всегда находила предлог, чтобы перенести чаепитие в свое имение. Зато сегодня тисовый стол пригодился: Броки принимали Льюиса Бара.

Над расписанной аляповатыми цветами фаянсовой супницей поднимался пар.

Замученная придирами хозяйки Труды в накрахмален-

ном чепце разливала кушанье. Все по-столичному, тарелка на тарелке, чтобы не запачкать скатерть. Рядом полный набор приборов, даже вилка для рыбы – на второе запекли радужную форель. Довершали картину искусно сложенные Анной салфетки и цветы в вазе. Последние принес Льюис вместе с коробкой конфет. Перевязанная алой лентой, она поблескивала на буфете. Ассорти с помадной начинкой. Куплены, несомненно, в Хайте, в их глуши такого не найдешь. В Мелрое продавали только булочки с заварным кремом и усыпанные сахаром рогалики. Однако виновница праздничного обеда щедрость управляющего не оценила. Ефимия с каменным лицом сидела напротив Льюиса и лениво помещивала ложкой наваристый суп. По настоянию матери она завila волосы. Прическа ей категорически не нравилась. Такая подошла бы Анне, какая из Ефимии романтическая барышня? Но Мелания была непреклонна: дочери нужно добавить женственности. По той же причине она велела ей говорить только о безобидных вещах, вроде моды и погоды. «Например, книгу с ним обсуди, – наставляла вдова Брок. – Спроси совета, какая лента лучше подойдет к шляпке». Определенно, мать спутала ее с Анной. Ефимия лучше станет молчать, чем болтать всякие глупости.

К сожалению, спастись от ненавистного ужина не удалось: проходящий дилижанс остановится в Мелрое около полуночи. По-другому в Хайт не добраться, разве только в собственном экипаже.

Ефимия испробовала все, чтобы не оказаться за одним столом с Льюисом. Сначала закатила скандал, потом сказалась больной. Когда же поняла, что мать и тетка настроены серьезно, попросту сбежала. Может, ей и удалось бы отсидеться в старом яблоневом саду, если бы не Анна. Сестру послали на поиски, и она обнаружила ее тайное укрытие. И вот Ефимия глотала суп, не чувствуя вкуса, пытаясь придумать, как безболезненно выпутаться из сложившейся ситуации. Анна ее терзаний не понимала. Еще бы, мысленно сестра уже в столице, блистает на балах. К тому же она всегда мечтала о замужестве: фате, красивом платье, свадебном торте – и не могла понять, почему Ефимия упорствовала. По мнению Анны, управляющий графини – отличная партия. Сама бы она за него не пошла: староват, но ведь и Ефимия в ее глазах чуть ли не столетняя старуха. Словом, на поддержку близких не приходилось рассчитывать.

Анжела с умным видом обсуждала с гостем виды на урожай. Ефимия догадывалась: тетка выбрала столь скучную тему только для того, чтобы Льюис блеснул красноречием. По той же причине ей вдруг понадобилось его мнение о недавней постановке, которую управляющему посчастливилось посетить. Прежде Анжела театром не интересовалась, считала его баловством.

– А вы любите театр, мистрис Брок?

Ефимия не сразу поняла, что вопрос предназначался ей. Ну да, теперь она «мистрис», а не «миледи». Мистрис Брок,

потому что старшая из сестер. К младшей бы обращались «мистрис Анна». Но ведь их не лишили дворянства, Льюис мог бы в очередной раз не подчеркивать социальное падение семьи потенциальной невесты.

Девушка пожала плечами:

– Мне не доводилось там бывать.

Ни мать, ни тетя после не назовут ее букой, но и кокетства с потенциальным женихом не добьются.

– О, какое досадное упущение! – взмахнул руками Льюис. – Вам надо непременно увидеть настоящее представление, а не ту жалкую пародию, которую дают бродячие труппы.

По случаю ужина управляющий графини Малжбетен принарядился. Ефимия могла поклясться, что он забрал хрустящий сверток с новым костюмом только сегодня. На шейном платке сохранился неотрезанный ярлык. Он предательски мелькал из-под узла, когда Льюис двигался. Ефимии даже стало его жалко. Бедняга так старался, готовился! Но себя было жалче.

Ефимия честно пыталась. Закрывала глаза и представляла себя госпожой Бар в клетчатом платье и ночном капоре с оборками. Вот муж наклоняется и целует ее. Пусть все происходило только в ее воображении, всякий раз Ефимия в ужасе вздрагивала. Образ Льюиса в длинной ночной рубашке, его лысая макушка и несвежее дыхание вызывали отторжение. И не так уж он умен и образован, чтобы компенсировать

ровать остальные недостатки. О непомерном богатстве тоже речи не шло, – словом, девушка не находила ни единого аргумента в пользу замужества. Вовсе она не старая дева, чтобы поставить на себе крест и пойти за первого встречного.

– Осторожнее, Труди! – прикрикнула Мелания на прислугу.

Несчастливая женщина и так с трудом протискивалась между стенами и спинками стульев, не стоило волновать ее еще больше. Подумаешь, немного задела. Обычно леди Брок не была столь нервной, но сегодня особенный день, все должно быть идеально.

Ефимия не знала, как дотерпела до десерта – традиционного яблочного пирога. Без него не обходились ни в одном оройском доме. Каждая семья бережно передавала семейный рецепт из поколения в поколение. Брокам достался рецепт Труди. Она добавляла к яблокам корицу и чуточку кардамона. Мелания не уставала повторять, как им повезло с прислугой. Сегодняшний вечер это только подтвердил. Любая другая в сердцах бы скинула передник и заявила: «Справляйтесь сами!» – но Труди стойко терпела все замечания.

Однако на сладкое в семье Броков подали не только пирог. Крепившаяся весь вечер Анна не сдержалась и поделилась с гостем грандиозной новостью:

– Представляете, я стану невестой императора!

Льюис нахмурился, начал было:

– Боюсь, мистрис Анна, это невозможно...

На помощь пришла Анжела:

– Речь всего лишь о вызове в столицу графства. Но мы все надеемся, племянница продвинется чуточку дальше.

Однако недостаточно далеко, чтобы попасть в число финалистов. Клеймо дочери предателя никуда не делось. Пусть со временем вину барона Брока немного смягчили, его родные все равно оставались дворянами второго сорта, не для дворца императора.

– Жду не дождусь, когда предстану перед отборочной комиссией! – вновь восторженно зашебетала Анна. – Господин Бар, вы, случайно, не знаете, кто туда входит?

– Боюсь, я недостаточно интересовался отбором, мистрис Анна.

– Жаль! – искренне расстроилась девушка. – Я надеялась, вы меня поддержите.

– Анна, – подмигнула Анжела, – тебе не кажется, что нужно помочь Труди? Одна она не принесет столько бокалов.

– Да вот же они! – не желая понимать намеков тетушки, Анна указала на буфет.

– Другие бокалы, Анна, – начинала сердиться Анжела. – Те самые.

Она выразительно посмотрела на Ефимию, и младшая племянница наконец поняла.

– Конечно, тетушка! – подскочила она и с шумом задвинула стул.

– А я заварю чаю, – вслед за ней поднялась Мелания. – Это чрезвычайно важный процесс, нельзя доверить его прислуге.

Ефимия не удивилась, наоборот, едва не рассмеялась, когда и у тетушки нашлось важное дело: достать из погреба бутылку лафита. Будто не могла все подготовить заранее! Желание оставить Ефимию наедине с Льюисом было столь очевидным, родственники могли бы действовать чуточку тоньше.

Девушка нервничала. Ей предстояло подобрать верные слова для отказа. Впрочем, вдруг управляющий графини ограничится простыми ухаживаниями? Увы, первые же его действия вдребезги разбили надежды. Откашлявшись, Льюис поднялся и положил салфетку рядом с тарелкой. Ефимия стиснула пальцы, словно окаменела.

– Милая леди Брок, – торжественно начал управляющий, употребив прежнее уважительное обращение, – возможно, я покажусь вам излишне дерзким, но сегодня я приехал в ваш дом с одной-единственной целью.

– Какой же?

В горле пересохло, и девушка залпом выпила стакан воды. Она злилась на Льюиса. Решить, будто она согласится! И ведь еще обидится, получив отказ. Будто в их случае можно рассчитывать на иной исход! Дело даже не во внешности или возрасте, Ефимия никогда не делала авансов, вела себя с поклонником подчеркнуто холодно и отстраненно.

– Прекрасная мистрис Ефимия, – девушка отшатнулась,

когда он, умудрившись протиснуться между стулом тети и стеной, остановился рядом с ней, – позвольте мне надеяться... Словом, осчастливьте меня, мистрис Ефимия, станьте моей...

– Нет! – не позволила ему закончить Ефимия.

Щеки ее покраснелись.

– Вы даже не выслушаете? – насупился Льюис. – Ничего предосудительного. Я уже говорил с вашей матушкой, она дала согласие...

– Вот на ней и женитесь! – в сердцах выпалила Ефимия.

Словно слон в посудной лавке, девушка проложила себе кругной путь к выходу. Святые свидетели, она пыталась, но не соглашаться же на брак из вежливости!

– Ефимия, – полетел в спину встревоженный голос Мелании, – что случилось?

Обернувшись, девушка убедилась: и матушка, и тетка, и Анна караулили на пороге кухни, ждали конца объяснения.

Бежать, прямо сейчас бежать!

Стуча каблуками по скрипучим ступенькам, Ефимия гадала, сколько времени у нее в запасе. Сначала родные успокоят гостя, проводят его и только потом примутся за нее. Выходит, в запасе от пары минут до четверти часа – в зависимости от степени обиды Льюиса. Ничего, она успеет. Вещи собраны, осталось взять деньги и прихватить синее платье тетки. Ефимия не забрала его раньше, так как опасалась, что Анжела наденет его на вечер.

– Ефимия!

Теперь голос матери звучал тверже, суровее.

Девушка стиснула кулаки, но не остановилась. Сзади слышались торопливые шаги. Леди Брок нагнала дочь у двери спальни и ухватила за плечо, заставив обернуться. Прежде мать так грубо себя не вела, выходит, она в ярости. Так и есть. На щеках Мелании расцвели два пурпурных пятна, губы подрагивали.

– Упрямая девчонка! – Тетка бы одарила Ефимию звукой оплеухой, но леди Брок просто повысила голос. – Ты сейчас же спустишься и извинишься перед господином Баром.

– Даже не подумаю.

Девушка скинула руку со своего плеча.

– Глупая! – сокрушенно покачала головой Мелания. – Для твоего же блага! Уж не знаю, что ты там сказала, но Анжеле едва удалось все уладить, перехватить гостя буквально на пороге. Скажи: переволновалась.

– Вовсе нет. Я не собираюсь лгать.

– Милостивые святые, ну что мне с тобой делать? – всплеснула руками вдова Брок. – Пойми же, тебе нужно выйти замуж. Да, ты у меня красавица, при иных обстоятельствах разве я бы просватала тебя за управляющего? Но уж лучше он, чем приживалкой у той же сестры. Вдобавок господин Бар в фаворе у графини, ты ей тоже нравишься. Может, она тебя в завещании упомянет? У нее денег много, а из наследников – только непутевый сын-бретер.

– Матушка, я не выйду за господина Бара, – как можно спокойнее повторила Ефимия.

Когда же родные поймут эту простую вещь? Ни завещание графини Малжбетен, ни самое бедственное положение, ни общественное презрение к засидевшимся в невестах девушкам не заставят ее пойти за господина Бара. Льюис ей совсем не подходит. Разве мать не видит, как он глуп, не замечает его манер, лысины и прочих физических недостатков? Если уж продавать себя, то за большую цену. Господин Бар заплатить ее явно не мог.

– Так он сделал предложение? – не унималась Мелания.

– Почти. Я не позволила ему договорить.

– Ох, дура, упрямая дура!

Леди Брок обхватила голову руками. Перед ее глазами пронеслась безрадостная картина будущего. Существовать только на скромную ренту, лишиться общества графини Малжбетен, привлекательных цен в лавках – и все по милости слишком гордой дочери!

– Хорошо, милая барышня, – чуть ли не впервые за всю жизнь Мелания решила проявить строгость, – тогда отправляйтесь к себе и хорошенько подумайте над своим поведением. Вы не выйдете из дома, пока не примете предложения Льюиса Бара.

– То есть никогда, – со смешком резюмировала Ефимия и скрылась за дверью.

Вот и решилась ее судьба. Матушка не оставила выбора.

Убедившись, что она ушла, спеша вселить надежду в отверженного жениха, Ефимия вытащила чемодан и бесстрашно наведальась в комнату тетки, а затем в спальню матери. Помимо денег девушка прихватила бархатный мешочек со своими драгоценностями. Так, ничего особенного, никаких бриллиантов и вычурных ожерелий. Девочке-подростку полагались скромные и неброские камни вроде жемчуга и янтаря. В свое время Ефимии удалось их припрятать, забрать в ссылку. Девушка как раз заканчивала сборы, когда в комнату заглянула Анна. Спрятать чемодан Ефимия не успела, сестра все видела, но не выдала, чем заслужила мысленную благодарность.

– Сбежать решила?

Ефимия кивнула и, не глядя, закинула в чемодан немногочисленную косметику.

– Тебя не отпустят, тетка в дверях стоит, – предупредила Анна и шепотом призналась: – Я боялась, после твоего отказа мать меня ему в жены предложит. И это накануне отбора! Ах, Эффи, я бы умерла, слово даю, в тот же миг умерла бы, если бы меня просватали за господина Бара! Он такой старый и совсем никто. То ли дело император! – мечтательно добавила она и плюхнулась на кровать. – Закрываю глаза и вижу: я во дворце, в красивом платье танцую с его величеством, а все смотрят, разинув рты.

Улыбка против воли тронула губы Ефимии. Ей будет не хватать Анны. Сестра столь мила и непосредственна, лучик солнца в серости будней. Но ничего, как только Ефимия

устроится на новом месте, непременно навестит родных.

– А ты куда собралась?

Старшая сестра помедлила с ответом. Не признаваться же, что украла приглашение и собралась занять чужое место, особенно после фантазий Анны. Поэтому Ефимия ответила уклончиво:

– Попытаю счастья в городе.

– Правильно, – по-своему поняла ее сестра, – там женихи богаче, сто очков господину Бару дадут. Только ты, – Анна замешкалась и сглотнула, сдерживая накатившие вдруг слезы, – пиши, обязательно пиши, Эффи!

Она так на нее смотрела, что Ефимии пришлось кивнуть. Анна тут же успокоилась, повеселела. Воспользовавшись переменой ее настроения, Ефимия попросила сестру сбегать вниз, разведать обстановку. Увы, та принесла неутешительные вести: проводив гостя, Анжела заперла входную дверь и унесла ключ. Сейчас они с Меланией пили на кухне ромашковый чай, приходили в себя после сорванного званого ужина. Придется бежать через окно. Ефимия прикинула расстояние до земли: можно рискнуть. Да и лучше сломать ногу, чем стать госпожой Бар. Мать с теткой не успокоятся, пока не добьются своего.

Сначала девушка спустила на самодельной веревке из простыней чемодан. Убедившись, что узлы крепкие, а ткань не порвалась, решила лезть сама.

– Пожелай мне удачи, Анет!

Ефимия чмокнула сестру в щеку и перекинула ногу через подоконник. С непривычки она спускалась медленно, пару раз едва не сорвалась, но в итоге благополучно коснулась земли. Оставалось только порадоваться, что окна кухни выходили на юг, иначе родные давно бы заметили беглянку.

Ладони горели, на них появились ссадины. Дурно! Нужно купить заживляющей мази, а то решат, будто она не дворянка, украла приглашение.

Ефимия знаком попросила сестру втянуть самодельную веревку. Убедившись, что Анна ее поняла, послала ей воздушный поцелуй и, подхватив чемодан, зашагала прочь. Ефимия спиной ощущала взгляд сестры, но ни разу не обернулась. Она надеялась успеть на почтовый дилижанс и злилась на господина Бара. Не пригласи его тетка на ужин, не сделай он предложение, Ефимия спокойно закончила бы сборы и не гадала, опоздает или нет. Вдобавок стемнело, тут бы идти медленно, осторожно, а ей практически приходилось бежать. Мелрой не конечная станция, в пути всякое случается, дилижанс мог как прийти раньше, так и задержаться.

Хвала небесам, Ефимия успела и ни разу не упала. И, спасибо святой Верасий, в дилижансе нашлось свободное место. Девушка отыскала кучера, протянула ему мятую ассигнацию и договорилась о багаже, после со спокойным сердцем забралась внутрь.

Лошадей поменяли, и дилижанс тронулся, унося беглянку прочь от мест, так и не сумевших стать ее домом.

Глава 3

Ефимия редко бывала в Хайте и теперь в растерянности замерла у почтовой станции. Как много людей после сонного Мелроя! Она слишком долго прожила в глуши и успела отвыкнуть от суеты. «Ну, чего встала? – мысленно встряхнула себя. – Станешь разевать рот, дальше кухни не попадешь. Или госпожой Бар стать хочешь? Так еще не поздно, можешь вернуться». Самобичевание помогло. Ефимия нацепила маску безразличия – она надежно избавляла от ненужных знакомств и глупых вопросов – и решительно зашагала к центру. Нужно отыскать Дом заседаний, где проходил отборочный тур, отметитья и позаботиться о временном жилье.

Интересно, сколько дурочек слетелось на огонек, вообразив себя будущими императрицами? Наивная простота, за победу станет биться высшая аристократия. Они точно не опустятся до публичного смотра – развлечения для людей попроще. Ефимия дорого бы дала, чтобы познакомиться с кем-то из тех привилегированных девушек. Собственно, за этим она и приехала в Хайт. Но ничего, главное – примелькаться, показать образованность и хорошие манеры, тогда удача сама тебя найдет. В этом Ефимия не сомневалась. Уж хотя бы скромные мечты святые способны исполнить!

Самое западное графство империи никогда не входило в число богатейших, однако и тут нашлось место роскоши.

Хайт пленял взор декорированными глазурованной плиткой фасадами особняков местной знати. Большинство их владельцев жили тут всего несколько месяцев в году, а то и вовсе не появлялись десятилетиями, ведь из Ороя до столицы много недель пути. Но те, кто остался, по разным причинам не удержались при дворе, стремились перещеголять друг друга. К примеру, стараниями герцога Ордоза в свое время в Хайте возвели не уступавшее столичному здание театра, а принц Хенрик Птицелов в конце прошлого столетия основал университет. Тот самый, который не закончил Льюис Бар. Его высокие, имитировавшие замковые башни хорошо просматривались в просвете бульвара Гроз. С ними на равных соперничала ратуша, возведенная из красного кирпича. Туда Ефимия заглянула в первую очередь и в обмен на приглашение получила заветный адрес Дома заседаний.

Бедный служащий! Он наверняка проклял десятки девиц, толкавшихся и галдевших без умолку. Порой они не умели связать пары слов, однако тоже метили в императрицы.

– Как на ярмарке!

Ефимия с облегчением выбралась на площадь, мечтая лишь об одном – поваляться на постель. С непривычки болели руки. Ладони покраснели, чемодан то и дело чиркал по настилу тротуара. Вот она – бедность! Что толку в вуалетке и нарядах, если некому донести вещи? Однако Ефимия не сдавалась. Она не для того сбежала из дома, чтобы расхныкаться при первых же трудностях.

В очередной раз оглядевшись, девушка заметила вывеску гостиницы. Она выглядела презентабельно, хозяин не поспешил подвесить у входа горшки с геранью, и Ефимия решилась. Лишь бы номер оказался по средствам, иначе... О всяких «иначе» дочь мятежного генерала предпочитала думать по мере их поступления.

Приободрившись, Ефимия одной рукой подхватила чемодан, другой – подол платья. До заветной цели оставалась всего пара шагов, когда справа послышался грозный окрик: «Берегись!» В следующий миг девушка ощутила сильный удар. Ее подбросило в воздух. Чемодан с глухим стуком отлетел на тротуар, завертелся волчком.

Застонав, Ефимия кое-как села посередине мостовой. Плечо ныло, на затылке стремительно наливалась шишка. Судя по тому, как болезненно пульсировала нога, она пострадала от удара. Вдобавок при падении у девушки задралась юбка, и теперь ротозеи пялились на ее штопанные чулки. Ефимия злобно зыркнула на них и поспешила одернуть подол.

Бедя не приходит одна – еще и туфля куда-то подевалась. Складывалось впечатление, будто мироздание вступило в заговор с родней, подталкивая Ефимию к замужеству с управляющим графини Малжбетен.

Однако что произошло? Девушка в недоумении покосилась на лошадиные морды в каком-то метре от себя. Картинка медленно складывалась в мозгу. Кони, карета, встревоженные люди, окрик... Воистину, хорошенькое начало – ед-

ва не угодить под экипаж! Последний, судя по позолоченной резьбе, принадлежал знатной особе. Все равно это не повод давить людей. Кучер гнал как сумасшедший, не притормозил перед поворотом, иначе Ефимия бы вовремя заметила опасность.

– Эй, чего разлеглась?

У него еще хватало наглости дерзить!

Девушка одарила кучера испепеляющим взглядом. Препираться со слугами – унижительно для дворянки.

– Похоже, это ваша.

Какой-то паренек протянул Ефимии слетевшую туфлю. Она поблагодарила его кивком головы и обулась. Затем попыталась встать, но потерпела фиаско.

Голова гудела как колокол: бом-бом-бом. Лодыжка опухла, платье в грязи. На глаза навернулись злые слезы. Ефимия вытерла их тыльной стороной ладони. Хватит слюни на кулак наматывать, отец не этому ее учил. Посидит немного и встанет. Не со второй попытки, так с десятой.

– Что случилось, Марк, почему мы остановились?

Из окошка кареты высунулась недовольная женщина.

– Да разиня под колеса бросилась, – почтительно приподняв шляпу, ответил кучер и поторопил Ефимию: – Вставай уже, не видишь, миледи торопится!

– Я не простолюдинка, чтобы мне «тыкать»! – позабыв о воспитании, огрызнулась девушка.

Если у нее нет собственного экипажа, это ничего не зна-

чит. Можно подумать, она или ее мать виноваты, что очутились здесь? Если на то пошло, спрос с Ленара Горзена. Не будь его, отец и братья остались бы живы и верно служили короне.

Кучер отпустил в адрес Ефимии крепкое словцо и, устав ждать, взмахнул кнутом. Неужели ударит? Ефимия в ужасе прикрыла глаза и заслонила лицо рукой. К счастью, он только пугал – бич просвистел над головой.

Самоуправство слуги не понравилось владелице кареты. Она потребовала немедленно прекратить истязание несчастной и участливо поинтересовалась:

– С вами все в порядке, милая?

Ефимия прислушалась к собственным ощущениям и покачала головой.

Народ вокруг все прибывал. Люди норовили пролезть ближе, узнать, что случилось. Столь пристальное внимание смущало не только Ефимию. Аристократка велела усадить пострадавшую в экипаж, пообещав отвезти к лекарю.

– Чемодан! – спохватилась Ефимия.

Промедли она хоть миг, осталась бы без нехитрых пожитков. А так чемодан подняли, наскоро запихнули внутрь выпавшие вещи – вот стыд, нижнее белье! – и убрали в багажный ящик.

Снова щелкнул бич. Всхрапнули кони, разгоняя зевак. Карета дернулась и покатила по улице.

Ефимия осторожно, чтобы не потревожить ушибленное

плечо, откинувшись на мягкое сиденье. Теперь она смогла лучше рассмотреть косвенную виновницу переполоха. Женщина оказалась ровесницей Мелании. Посеребренные легкой сединой волосы уложены волнами, открывая виски. Миниатюрная шляпка украшена бутфорскими фруктами. На ее фоне вуалетка Ефимии казалась едва ли не синонимом дурновкусия. Умеренно декольтированное по утреннему времени платье расшито серебряной нитью. Лицо приятное, с мягкими чертами. Возле глаз и в уголках рта залегли морщинки.

Владелица кареты тоже искоса посматривала на Ефимию, гадая, как с ней поступить. Агнешка опаздывала, лучше посадить девушку на ближайшем перекрестке. Она бы так и поступила, если бы не кольцо Ефимии. Последняя не носила перчаток, поэтому оно сразу бросалось в глаза. Купить подобное мешанка не могла, только украсть, выходит, незнакомка не так проста.

Пожевав губы, Агнешка решила все прояснить:

– Простите, если покажусь вам бестактной, но кто вы?

Ефимия ожидала подобного вопроса. Короткая передышка помогла собраться с мыслями и заготовить ответ.

– Кто я такая? – повторила девушка. – Всего лишь одна из соискательниц руки его императорского величества. Я недавно приехала и направлялась в гостиницу, когда ваш кучер меня сбил. Право, не знаю, сойдут ли синяки до отборочного тура!

Ефимия рассчитывала сыграть на совести Агнешки и не

прогадала. Та смущенно отвернулась, сцепив руки на коленях.

– Мне ужасно жаль! – вздохнула владелица экипажа. – Вы одна, без слуг, на дороге...

– Не все дворянские семьи одинаково обеспечены, – гордо сверкнула глазами Ефимия, – однако все одинаково благородны. Слуга проводил меня до ратуши, а после в двуколке вернулся домой.

Ложь давалась легко. Может, потому, что Ефимия переплетала ее с правдой, на ходу сочиняя легенду для отбора. Она надеялась, добропорядочная аристократка оплатит врача и номер в гостинице, хотя бы на сутки, но та пошла гораздо дальше.

– Еще раз извините, я никоим образом не желала вас обидеть. Позвольте представиться: графиня Агнешка Лемар, леди Блеккуок. Не беспокойтесь, – широко улыбнувшись, женщина накрыла ладонью руку Ефимии, – вы попадете на отбор. Это самое малое, что я могу для вас сделать. Взамен, прошу, никому не рассказывайте о постигшей вас неприятности!

Девушка рассеянно кивнула, не в силах поверить в происходящее. Агнешка Блеккуок! Вряд ли это совпадение, вряд ли они однофамильцы. Граф Лемар, лорд Блеккуок – доверенное лицо императора в графстве Орой. Если все правда, Ефимия согласилась бы набить еще десятков шишек.

Предложение Агнешки ее более чем устраивало. Сооб-

щать родным о постигшем ее несчастье она и так не планировала. Не в интересах Ефимии, чтобы разгневанная тетушка примчалась за ней в Хайт. Вдобавок, только услышав фамилию Брок, Агнешка заберет обратно обещание провести пострадавшую по ее вине леди сквозь сито первоначального отбора.

– Сын все устроит, я тоже замолвлю за вас словечко. Вдобавок вы такая красавица, император непременно должен вас увидеть, – воодушевленно щебетала графиня.

Выходит, она мать того самого лорда Блеккуока. Тоже неплохо. Главное, не торопиться, прямо сейчас не просить рекомендательных писем. Графиня сама предложит.

Экипаж подкатил к украшенной имперскими флагами гостинице. Помпезное здание с вычурной лепниной и ажурными решетками балконов разительно отличалось от скромного пансиона, в котором собиралась остановиться Ефимия. Поначалу девушка и вовсе приняла его за дворец, одну из многочисленных резиденций императора. К счастью, она оставила свои предположения при себе, а то бы угодила в неловкую ситуацию.

На отливавшей золотом табличке значилось: «-Андреш».

– Возьмите мою накидку. – Агнешка пошарила по сиденью и протянула девушке голубой пыльник. – Вам лучше временно сохранить инкогнито.

Ефимия кивнула. Их желания полностью совпадали.

Обеим женщинам учтиво помогли выйти из кареты. Ефи-

мия мысленно поблагодарила мироздание: сама бы она вывалилась как куль. Девушка знала, графиня наблюдает за ней, поэтому, как бы ни было больно, нужно постараться скрыть хромоту. Зато можно сколько угодно корчить гримасы – капюшон надежно спрятал лицо от зевак. Стиснув зубы, Ефимия обставила все так, будто неудачно встала на подножку и подвернула голеностоп. Вроде сыграла убедительно, Агнешка осталась довольна.

– Поживете пока в моем номере. Я найду сына и обо всем позабочусь, – наклонившись к самому ее уху, вкрадчиво шепнула графиня.

Невысказанный намек повис между слов. Ефимия поспешила успокоить благодетельницу взглядом: договоренность остается в силе.

Предупредительные служащие гостиницы старательно отработывали свой хлеб, распахивали перед ними двери прежде, чем Агнешка успевала к ним подойти. Они с интересом посматривали на Ефимию, но вопросов не задавали.

Семейство Блеккуок занимало весь этаж, лучшие смежные номера, временно превратившиеся в огромные апартаменты. Ефимию устроили на условной половине Агнешки и сразу послали за доктором. Тот успокоил пострадавшую, толком ничего не выписал, но запросил баснословную сумму за визит. Графиня, не торгуясь, отсчитала ассигнации и, выпроводив лекаря, взялась за гостью.

– Вас нужно переодеть. Нечего и думать, чтобы показаться

сыну в подобном виде.

Ефимия сглотнула. Все так быстро, сразу... Сначала Агнешка, потом сам маршал – так официально называли доверенных лиц императора. В случае военных действий они занимались сбором и организацией – войск вверенного им графства.

– Не переживайте, милая, – Агнешка уловила нервозность подопечной и постаралась ее успокоить, – Идрис прост в обращении. А вот переодеть вас категорически нужно. Сейчас посмотрим, что у вас есть.

Показалось или графиня не желала, чтобы сын узнал о дорожном происшествии? Слишком уж она суежилась.

Незамысловатый гардероб Ефимии подвергся безжалостной критике. Агнешке понравилось лишь «милое скромное домашнее платье», которое тетка надевала по праздникам. Даже белый горошек на коричневом фоне признали слишком вульгарным и провинциальным.

– Придется всерьез заняться вашими нарядами, – качая головой, тяжело вздохнула графиня. – Все это не годится. Для сельской ярмарки – да, но для дворца недопустимо!

– Но у меня больше ничего нет, – растерянно развела руками Ефимия.

Она боялась подумать, во сколько обойдется приличное, по мнению графини, платье. Прихваченных из дома денег хватит только на оборки.

Агнешка отмахнулась от ее слов как от безделицы:

– Право, нашли из-за чего тревожиться! Я ведь обещала обставить все в самом лучшем виде.

Благодетельница придела Ефимию по собственному вкусу. Если бы не чернота волос и острота вызывающе голубых глаз, образ вышел бы чересчур приторным. Прежде Ефимия никогда не носила розового, но графиня заверяла, что будущая невеста императора должна походить на зефир. Сердобольная Агнешка одолжила ей свое платье, благо коллекцией походила на спасенную девушку. Из-за разницы в росте пришлось искусственно удлинить подол, но в целом вышло хорошо. Графиня дополнила получившийся образ жемчугами редкого оттенка. Ефимия недоумевала, зачем так стараться ради мимолетного знакомства. В ответ Агнешка закатила глаза:

– Сразу видно, что вы молоды и мало понимаете в жизни. Я мать, могу подтолкнуть в нужном направлении, но решать все равно Идрису. Он должен увидеть очаровательное создание, а не замухрышку. Не прячьте вашу красоту, позвольте ей расцвести!

Складывалось впечатление, будто графиня сватает Ефимию, а не записывает на отбор невест. Так и подмывало признать, что в столицу ее никто не возьмет, даже если девушка наденет императорские фамильные драгоценности, но девушка благоразумно промолчала.

– Вы куда-то торопились, миледи, – запоздало вспомнила Ефимия, пристально рассматривая новое отражение.

Совсем другая, чужая. Девушка пока не решила, нравился ли ей новый образ. Из зеркала на нее смотрела дочь барона Брока, такая, какой бы она стала, если бы отец оказался менее легковверным. Ефимия смутно помнила, как в прежнее, казавшиеся сном времена, служанки так же суетились вокруг нее.

— А, — отмахнулась Агнешка, скрыв за улыбкой досаду, — я все равно опоздала!

Когда карета сбила Ефимию, она торопилась на второй завтрак к градоначальнику, планировала переодеться после посещения воспитательного дома, но не судьба. Не могла же она бросить несчастную девушку посреди дороги! И не только по доброте душевной: Агнешка не желала, чтобы по городу поползли порочащие ее фамилию слухи. Стоило графине лучше разглядеть Ефимию, как она и вовсе возблагодарила небеса за редкую удачу. Завтрак у градоначальника по всем статьям проигрывал перспективам, которые открывала перед Агнешкой эффектная брюнетка. У нее имелись все шансы завоевать сердце императора. Тогда бы Лемары сменили графскую корону на герцогскую. Словом, Ефимия — ценное вложение. Агнешка уже послала пространное письмо с извинениями. Мол, у нее разболелась голова, здоровье уже не то. Нечего градоначальнику знать о Ефимии, для всех она попадет на конкурс на общих основаниях.

Посвящать девушку в свои амбициозные планы Агнешка пока не собиралась: рано. Да и Ефимия не дурочка, должна

понимать, ничего на свете не делается бесплатно.

– Замечательно! – оценила графиня проделанную работу. – Теперь ваша внешность соответствует внутреннему содержанию. Вы отобедаете с нами.

Ефимия и бровью не повела. Зато стало понятно, зачем так усердно хлопотали над ее образом. Мимолетная встреча – это одно, а совместная трапеза – совсем другое. Ничего, у Ефимии найдутся темы для разговора с маршалом. Некоторые и вовсе настолько острые, что лучше припасти их до вечернего аперитива. Осталась сущая безделица: назвать себя. Ефимия представилась настоящим именем, а вот фамилию позаимствовала у прабабушки по материнской линии. Вряд ли кто-то изучал родословную Броков столь пристально, чтобы ее помнить. С протекцией графини и документов предъявлять не придется, поверят на слово.

Задумка удалась. Агнешка не пожелала признать, что семейство Феррир ей знакомо. Мало ли в графстве дворян, всех не упомнишь! Простых лордов – тем более.

* * *

Убедившись, что ее ставленница ни в чем не уступает фавориткам отбора, Агнешка поспешила на поиски сына. Нужно объяснить ему, зачем ей понадобилась девчонка, иначе Идрис подумает, будто мать приютила ее из-за красивой мордашки.

Агнешка ворвалась в кабинет сына во время беседы с управляющим и потребовала немедленно оставить их одних. На резонное замечание Идриса, что он еще не закончил, графиня сердито ответила:

– Поверь, мое дело гораздо важнее.

– Ну и?

Выпроводив управляющего, сын развернулся к ней.

– Проверь, не подслушивают ли, – не унималась Агнешка.

Пришлось Идрису встать и демонстративно распахнуть дверь, только тогда мать успокоилась и заговорила о Ефимии. Начала она издалека:

– Ты и дальше собираешься мотаться между столицей и Ороем, жить в гостиницах и смиренно ждать, пока император заметит твое усердие? Смотри, как бы не пришлось перебраться в Хайт насовсем!

– К чему ты клонишь? – нахмурился граф.

– К тому, что должность маршала – это пшик. Можно подняться гораздо выше, нужно лишь совершить маленький подлог.

Идрис взглядом дал понять: продолжай!

– Все дело в женщине, сын мой. Я нашла самое настоящее сокровище. Она невысоких кровей, зато неглупа и необыкновенно красива. Нужно показать ее императору, а уж дальше...

– А дальше лишь твои фантазии, – нахмурился Идрис.

– Размазня! – припечатала Агнешка. – Хоть раз пошеве-

лись, прояви инициативу! Пойми, девчонка – самый настоящий клад! Она не кисейная барышня, не кукла, такая точно понравится Вардену. Поверь мне, он не забудет того, кто обеспечил его такой девушкой. Любовницей или женой, не суть важно, главное, что она точно окажется в его постели, а ты утрешь нос Ленару. Ну хотя бы взгляни на нее, перед тем как отказаться!

– Хорошо, – нехотя согласился маршал, – посмотрю, что за сокровище ты откопала. Надеюсь, не мешчанку?

– Что ты! – всплеснула руками его мать. – Кандидатура просто идеальная – худородная дворянка, к тому же бедная. Такая по гроб жизни станет целовать руки, если продвинется к сиятельной спальне. Уж ты поспособствуй, Идрис, – сменив тон, проворковала Агнешка. – Сделай так, чтобы девушка без проверок попала в столицу. А дальше – моя забота. Я дам все необходимые инструкции, девочка все сделает.

– Вечно ты со своими интригами! – укоризненно вздохнул Идрис, но согласился познакомиться с Ефимией.

Девушка ему понравилась. Мать не обманула, ее протеже оказалась умна, образованна и очаровательна – в самый раз для конкурса, поэтому Идрис без лишних слов на следующий день внес Ефимию в списки тех, кому предстояло отправиться в столицу. Фамилия Феррир ему тоже ни о чем не говорила, зато маршал слишком хорошо понимал: хорошенькая девица способна исполнить давнюю мечту – добыть ему должность первого министра. А это намного слаще тех

взяток, которые предлагали отцы местных красоток.

Глава 4

Подобравшись, Ефимия стояла перед Агнешкой Блеккуок. Сначала она полагала, речь пойдет о грядущем отборочном туре, графиня хочет ее приободрить или что-то вроде того, однако одного взгляда на благотельницу хватило, чтобы понять: разговор предстоял серьезный.

Ефимия нервно поправила розовый атласный пояс. Накрахмаленный, хрустящий, он напомнил о потраченных Агнешкой на наряды деньгах. Девушка мысленно прикинула их стоимость – много для обычной благодарности. Выходит, графине что-то нужно. Ефимия нахмурилась. Меньше всего на свете она хотела угодить из одной кабалы в другую.

– Садитесь! – сухо предложила благотельница, указав на кресло перед вычурным, украшенным бронзовыми накладками столом.

Ефимия упрямо осталась стоять. Глаза ее потемнели, губы сжались в тонкую линию.

Агнешка удивленно подняла брови. Прежде спасенная красотка упрямства не выказывала. А она с характером! Ведет себя словно императрица. «Ничего, – мысленно успокоила себя графиня, – согласится. Куда ей деваться?»

– Садитесь, – чуть мягче повторила она и аккуратно опустилась в соседнее кресло. Учитывая множество пышных юбок, это было непросто.

Помедлив, Ефимия последовала ее примеру и сразу предупредила:

– Если ваша милость намерена предложить мне что-то постыдное, я откажусь.

Агнешка широко распахнула глаза и в недоумении переспросила:

– Постыдное?

А девчонка не глупа, поняла – речь пойдет о плате за сказку.

– Что вы, милая, – графиня расплылась в приторной улыбке, – ничего такого. Я всего лишь хотела попросить об одной крошечной услуге. Вы ведь не станете отрицать, что с моей помощью преобразились, стали похожи на человека?

Оскорбление больно хлестнуло по щекам. Ефимии только что указали на место. Так и подмывало с высоко поднятой головой сообщить свое истинное имя, перечислить заслуги отца, но здравый смысл взял верх над гордостью. Девушка стиснула кулаки и отвернулась. Ей нельзя ссориться с матерью маршала графства, никак нельзя. И очень нужно получить рекомендации, попасть на работу в хороший дом. Однако чего же хочет Агнешка? Перебирая в голове варианты, Ефимия не находила от себя особой пользы. Уж не видела ли благодетельница ее в роли любовницы сына? Слишком уж пристально граф рассматривал девушку, оценивал лицо, фигуру. Однако во время последующих ужинов – Ефимия неизменно сидела за одним столом с Блеккуоками – Идрис

не проявлял к ней особого интереса, порой и вовсе не разговаривал. Зато графиня засыпала девушку вопросами. Ее интересовало все: от ее образования, до источника доходов родственников. Приходилось мешать правду с ложью и стараться не запутаться в получившемся клубке.

И вот теперь этот пренебрежительный тон в начале и намеки на благодарность потом. И без того нервная из-за предстоящей встречи с отборочной комиссией, Ефимия с трудом сохраняла спокойствие.

– Речь пойдет об императоре, – не стала томить Агнешка. Она пристально наблюдала за выражением лица собеседницы. – Вы ведь хотите стать его суп-ругой?

Под острым как бритва взглядом графини, казалось, невозможно было солгать, но Ефимия смогла.

– Да, – кивнула она.

Агнешка откинулась на спинку кресла и забарабанила пальцами по столу. Этот звук, равно как прямой недоверчивый взгляд, раздражал. Почему графиня тянет, не перейдет к условиям сделки? Девушка уже поняла, ее предмет – попадание во дворец. Осталось выяснить цену. Теперь она уже не понимала, святые или бесы толкнули ее под копыта лошадей леди Блеккуок. И ведь Ефимия уже ей обязана, нельзя просто так встать и уйти. Кто заплатит за кров, еду, наряды? Матушкиных ассигнаций явно не хватит.

– В таком случае мы поладим, – казалось, через целую вечность улыбнулась Агнешка и наконец перестала буравить

девушку взглядом. – Мне нужно немного – чтобы вы привлекли внимание его величества. О первичном отборе не беспокойтесь, сегодняшнее собеседование – формальность, ваше имя уже внесено в списки.

– Допустим, император выберет меня. Дальше что?

Ефимия положила ладони на подлокотники, готовая в любой момент подняться.

– Не многим идет злость, – неожиданно заметила графиня и посоветовала: – Но впредь старайтесь всегда улыбаться. Гордость, высокомерие – для аристократов, милая. Не в обиду, но девушке вашего происхождения они не по карману. А взамен я попрошу отплатить за проявленную доброту. Вы же не думали, – губы ее тронула едва заметная усмешка, – что очутились в сказке лишь потому, что поскользнулись на булыжной мостовой? Это прискорбно, привело бы к ненужным слухам, но не стоит потраченных на вас усилий.

– Так извольте выразиться конкретней, миледи! – не стерпела Ефимия.

Не по карману, значит? Бросая вызов могущественной собеседнице, девушка выпрямилась во весь рост, скрестила руки на груди. Она собиралась разразиться тирадой насчет равенства их сословного положения, когда Агнешка произнесла то, что заставило опуститься обратно в кресло.

– Мне нужно сместить Ленара Горзена с поста первого министра. Уверена, любой другой человек принесет гораздо больше пользы империи, хотя бы мой сын.

Яркая вспышка. Боль. Снова боль. И страх.

Ленар Горзен, граф Митас. Она не слышала и не проносила этого имени целых двенадцать лет, но ничего не изменилось, казалось, Ефимия ненавидела его так же, как прежде.

Девушка шумно вздохнула. Пальцы скрючились, как ножки паука. Прикрыв глаза, она отогнала призраки прошлого, но те упорно шептали голосами убитых отца и братьев: «Наша кровь на его ладонях».

– Что с вами? – забеспокоилась графиня и потянулась за колокольчиком для вызова слуг. – Вам плохо?

Ефимия вдруг резко побледнела, начала часто дышать.

– Нет, спасибо, все в порядке, – словно во сне, пробормотала она. – Выпью воды – и пройдет.

– Вы больны? – настойчиво повторила Агнешка, опасаясь, что зря поставила на красотку.

Если врачи обнаружат в ней изъян, даже протекция маршала графства не поможет Ефимии попасть в столицу.

– Тут душно, – виновато улыбнулась девушка, усилием воли взяв себя в руки, – а ваша горничная слишком туго зашнуровала корсет. Благодарю, миледи, уже прошло.

Двенадцать лет назад... Врут, время не лечит, всего лишь покрывает раны тонкой корочкой. Агнешка безжалостно ее сорвала, заставив Ефимию заново пережить жуткую ночь ареста. Страшнее было лишь сообщение о смерти отца и братьев. Если бы не Ленар... Если бы не Ленар, Алан и Ролан

точно остались бы живы. Отец – кто знает, но ему хотя бы должным образом вынесли приговор, а не без суда и следствия закололи в пропахшем сыростью подземелье.

«Ненавижу!» – беззвучно прошептали губы.

– Я согласна, – деревянным голосом отчеканила Ефимия. – Обещаю сделать все, чтобы первый министр лишился поста.

«Это личное, миледи, – мысленно добавила девушка. – Мне плевать на вас и вашего сына, но граф Митас ответит за каждую слезинку Анны, за каждый седой волос матери, за каждую смерть».

Бледность ушла с ее лица, даже губы расслабились.

Агнешка тоже успокоилась. Она переживала насчет исхода разговора, приготовилась уламывать упрямую девушку, а та сразу же согласилась.

– Вот и славно! – просияла графиня и таки позвонила в колокольчик. – Пусть только утро, но нужно скрепить нашу сделку бокалом игристого. Никогда не забывайте, милая, кому вы обязаны своим возвышением.

– Не беспокойтесь, я не забуду, миледи, – с фальшивой улыбкой заверила Ефимия.

Мысли ее витали далеко от гостиницы. Отбор обрел новый смысл. Ефимия продвинется как можно дальше, в этом ее желания полностью совпадали с желаниями графини. Девушка надеялась, святой Верасий направит ее руку. Пока была лишь навязчивая идея отомстить, как именно, Ефимия не

знала.

Слуга в белых перчатках при дамах откупорил игристое и разлил пьянящий напиток по высоким бокалам, затем положил бутылку в ведро со льдом. Агнешка отпустила его кивком головы и провозгласила тост:

– За наш будущий успех!

– За успех, – эхом отозвалась Ефимия.

Игристое щекотало горло.

В голове девушки царила полная сумятица. Чувства боролись с разумом и никак не могли прийти к согласию. Пришлось выпить еще бокал, чтобы хотя бы с помощью алкоголя обрести подобие спокойствия. Формальность формальностью, но перед комиссией Ефимия должна предстать максимально собранной.

Игристое все еще плескалось в крови, когда экипаж леди Блеккуок остановился у заднего входа Дома заседаний. Кучер проворно соскочил с козел и помог ей спуститься. А ведь не так давно он замахивался на нее кнутом. Напомнить? Не стоит, слишком мелко.

Поправив зацепившуюся за вуалетку сережку, Ефимия последовала за муниципальным служащим внутрь здания. Ей даже не пришлось представляться, все и так знали: приехала ставленница маршала.

– Прошу, миледи!

Служащий с легким поклоном распахнул неприметную боковую дверь и остался стоять в полутемном коридоре.

Ефимия вошла в небольшую комнату, судя по звукам, смежную с главным залом. Там сейчас мучилась, ожидая своей участи, первая партия девушек. Неприятно кольнула совесть. Если бы Ефимия не забрала приглашение, среди них была бы Анна. «Она простит, – успокоила себя девушка. – Я ей напишу и все объясню». Стараясь не думать о расстроенной сестре, Ефимия обернулась к покрытому узорчатой скатертью столу. За ним сидели пятеро. Графа Лемара девушка узнала сразу, но не подала виду, будто они знакомы: никто не должен заподозрить подвоха. Она почтительно поздоровалась со всеми и через секретаря передала свое приглашение.

Несмотря на то что отборочный тур только начался, члены комиссии успели устать. Один откровенно скучал, второй с тоской посматривал на собственную записную книжку. Остальные, к их чести, все же проявили к Ефимии вежливый интерес, задали пару стандартных вопросов. Девушка терпеливо ответила на все, слово в слово повторив сочиненную для графини легенду. Не успевшая до конца зажать лодыжка ныла от долгого стояния, но Ефимия боялась попросить стул. Императорская невеста должна быть здорова.

– Итак, – взял слово маршал, – я полагаю, леди Феррир достойна войти в число претенденток от графства. Кто за?

Он поднял руку и требовательно обвел взглядом остальных членов комиссии. Одна за другой в воздух взмыли ладони – перечить графу никто не посмел.

У Ефимии отлегло от сердца. Она до последнего боялась, что все сорвется. Вдруг кто-то видел ее прежде или усомниться в существовании Ферриров? Но авторитет маршала сделал свое дело, никто не потребовал метрику или иных документов, подтверждающих личность претендентки.

– Готовьтесь! – покровительственно улыбнулся граф. – У вас целая неделя до отъезда. Поздравляю!

Ефимия толком не запомнила, что ответила: в голове стоял туман. Наверное, произнесла дежурные слова благодарности. Дворян учат им с раннего детства, и в случае необходимости память сама, без участия – разума, извлекает нужные слова.

Девушка покинула Дом заседаний тем же путем – через черный ход. Когда она садилась в карету, слух уловил знакомый голос. Тетка! Велев немного обождать, Ефимия обернулась на голос. Она не боялась быть узнанной: плотная вуаль скрывала лицо, а шикарное платье и карета с гербами никак не вязались с дочерью опального генерала.

Анжела стояла к ней спиной возле угла Дома заседаний и выговаривала Анне. Ее Ефимия не видела, только слышала всхлипы и робкие оправдания. Сердце сжималось, толкало открыться, успокоить сестру, но девушка мужественно терпела, лишь подошла чуточку ближе. Стоявшая в проулке карета надежно загораживала ее от цепкого взгляда тетки.

– Куда она могла податься, если не сюда? – не отставала от племянницы Анжела. – Ведь Эффи украла приглашение.

Или ты его потеряла?

– Не зна-ю-у! – по-детски подвывала Анна.

– Да что ты вообще знаешь?! – в сердцах прикрикнула тетка и протянула племяннице платок. – На, утрись! Нечего и думать показываться перед комиссией с таким лицом. Видела, какие тут краса-вицы?!

– Я не хуже, – обиделась младшая девица Брок.

Ефимия улыбнулась. Вот и слезы высохли. Все же тетя – умная женщина, нашла верный способ успокоить Анну.

– Посмотрим! – буркнула Анжела и неожиданно обернулась.

Ефимия вжалась в стенку экипажа. На мгновение ей показалось, что тетка догадалась, заметила. Сейчас подойдет и вцепится в руку! Но Анжела отвернулась, только ворчливо добавила:

– Сама понимаешь, куда нам до девиц под гербами!

Девушка с облегчением выдохнула и улыбнулась. Знала бы тетка, кого назвала девицей под гербом!

– Уж постарайся, – смягчившись, напутствовала Анжела племянницу. – Без приглашения сложно, но вдруг тебе улыбнется удача? Ты, главное, подольше копайся в сумочке, сделай вид, будто случайно обронила конверт, когда подкрашивала губы. И еще раз всех расспроси, не видели ли они Эффи. Тот служащий был чрезвычайно груб, не дал посмотреть списки. Ты лучше не фамилию ее назови, а внешность опиши. Эффи – девушка эффектная, ее бы запомнили. А я тут

постою, покарауюлю. Некуда ей деваться, только на отбор.

Ефимия в который раз в молитве возблагодарила святого Верасия и забралась в экипаж. Какое счастье, что ее провели с черного хода! Члены комиссии с Анной откровенничать не станут. Войди она с парадного входа, точно бы угодила в цепкие руки тетки. Даже если бы они разминулись, швейцар за монетку или кто-нибудь из завистливых девиц бесплатно сдали бы родным, любезно подсказали, кто и откуда привез.

Кучер взмахнул кнутом. Лошади встрепенулись, и карета покатила прочь, оставив позади Дом заседаний и раздосадованную Анжелу Брок. Пусть они выехали с другой стороны проулка, Ефимия все равно на всякий случай забилась в дальний угол, словно тетка могла неведомым образом разглядеть ее сквозь заднее окошко кареты.

«Удачи!» — послала девушка мысленное напутствие сестре. Она искренне желала Анне счастья.

Итак, с отборочным туром было покончено, однако волнение никуда не делось. С тех пор как Агнешка Блеккуок произнесла имя нынешнего первого министра, Ефимия не находила покоя. Ей снились кошмары. Снова и снова раздавался стук в дверь посреди ночи, снова и снова шестнадцатилетний Ролан отталкивал солдат от матери, снова и снова брат исчезал в кровавом тумане, которым неизменно заканчивался каждый сон. Иногда Ефимия видела отца. Эван Брок молчаливо стоял на пороге гостиной. Девушка пыталась подойти к нему, обнять, но морок мгновенно рассеивался, оставляя

после себя кислый привкус во рту. И Ефимия не выдержала. Пользуясь тем, что графиня предоставила в ее полное распоряжение второй, двухместный экипаж и выдала немного денег «на булавки», она направилась в аптеку. Девушка с утра жаловалась на головную боль, выглядела не лучшим образом, все казалось невинным и естественным. Вот и Агнешка не стала задавать вопросов, когда ей доложили о поездке протеже. А зря! Вместо порошков и капель Ефимия приобрела вытяжку наперстянки, разыграв перед аптекарем целый спектакль. В малых дозах она спасала от сердечных недугов, а в больших приводила к смерти.

Глава 5

Строгое сито отбора от графства Орой прошли четверо. Отчего-то Ефимия полагала, претенденток будет гораздо больше. Воистину, ей повезло попасть под колеса кареты нужной женщины! Пусть Агнешка не так проста, лелеет собственные планы, но она помогла ей попасть во дворец, а дальше... Дальше девушка пока не загадывала. Да и разве можно думать об отборе или первом министре, когда за окном мелькают виды столицы!

Поддавшись общему порыву, Ефимия прильнула к окну, пыталась понять, изменился ли Йент за время ее отсутствия. Наверное. Маленькая Эффи смутно запомнила столицу. Еще бы, ведь ее выезды ограничивались визитами к родственникам и редкими пикниками, на которых допускали детей. Она вошла в «салонный», как его называли, возраст, когда звезда отца стремительно закатилась, и свое первое бальное платье, скромное, как и все остальные новые наряды, примерила в доме графини Малжбетен. Та проявила особое участие к обездоленной вдове и опекала ее дочерей. Если бы не она, ни Ефимия, ни Анна не преуспели бы в светских премудростях, не научились языку веера и искусству беседы с благородными кавалерами.

Спутницы девушки: две баронессы и одна маркиза – не обращали на нее внимания и наперебой спорили, чей на-

ряд для бала Открытия лучше. Ефимия слушала их вполуха и улыбалась. Портнихи графства Орой заведомо проигрывали столичным мастерицам, если высокородным соседкам хотелось затмить конкуренток, следовало обратиться к местным кудесницам. За себя Ефимия не волновалась. Подобранные Агнешкой платья сидели безупречно. Внешность играла на руку девушке, не требовала сложного кроя или избытка украшений. На фоне других претенденток она смотрелась чужеродно – единственная брюнетка среди блондинок. То ли император предпочитал светловолосых девушек, то ли комиссия руководствовалась старинным эталоном красоты: льняные локоны и голубые глаза. Только вот у маркизы они были карими, а у обеих баронесс и вовсе зелеными, но разного оттенка.

Однако вскоре Ефимии стало не до болтовни соседок. Они проезжали мимо дома ее бывшей лучшей подруги. Интересно, где теперь Верити? Наверное, давно вышла замуж – дочь помощника военного министра не осталась бы старой девой. На мгновение промелькнуло и тут же пропало опасение. Исключено, не может Верити оказаться среди конкурсанток. Она ровесница Ефимии, значит, заведомо за бортом, не стоит бояться разоблачения. Все эти чванливые девицы никогда не видели ее и уж точно не помнили семейство Брок. Опять же Ефимии повезло, по лицу не скажешь, двадцать ей или чуточку больше. Ох, святой Верасий, в какую же авантюру она ввязалась!

Ефимия незаметно сжала кулаки. Только не мимо бывшего дома! Обошлось, карета свернула. Копыта лошадей застучали по Горбатому мосту. Здесь пахло морем, раскинувшим свои объятия за небольшой горной грядой – естественной защитой столицы от нападения с воды. Слишком далеко, чтобы запах рыбы перебил аппетит, и достаточно близко, чтобы остатки легкого бриза дарили свежесть душистыми летними вечерами. Именно потому здесь селились многие знатные семейства.

Судя по всему, они направлялись в загородную императорскую резиденцию. Двор не жаловал Старый дворец, слишком мрачный и сырой. Во времена его постройки больше заботились о безопасности, нежели о комфорте. Долгие столетия императоры терпели неудобства, пока дед нынешнего монарха не затеял стройку Нового дворца неподалеку от Йента. Он подошел к делу с размахом, привлек к работе лучших живописцев, архитекторов и декораторов. Именно такой дворец представляли девочки, грезя о принцах. Из окна кареты кандидатки могли разглядеть только плотные зеленые изгороди, однако и длины подъездной аллеи хватало, чтобы понять: впереди их ждет сказочное величие. Даже маркиза притихла, а ведь послушать ее еще пять минут назад, богаче их семейства нет в империи.

Аллея вела к двум широким корпусам в виде подковы, выходящим на площадь с фонтаном. Карета притормозила и после коротких переговоров со стражей покатила дальше,

во внутренний двор.

– Добро пожаловать!

Не успел экипаж остановиться, как лакей в шитой серебряным галуном темной ливрее проворно опустил подножку. Другой мужчина, тоже одетый в черное, с вензелем императорской семьи на груди, помог девушкам сойти на мостовую.

Огромный двор походил на каменный мешок – со всех сторон только стены. Выбраться отсюда можно было через парные арочные проезды, каждый из которых охраняли часовые. Острые шпили башен пронзали небо; солнце играло бликами в стеклах. Ефимия никогда не видела столько разных окон: узких, сдвоенных, разделенных фигурными столбиками, а еще не думала, что камень может быть практически белым. Интересно, из чего возвели дворец?

– Добро пожаловать! – повторил мужчина в черном и представился: – Меня зовут Эммануэль Дидье. Я мажордом его величества. Мне поручено надзирать за отбором и обеспечить участниц всем необходимым.

– Очень приятно, – единственная из новоприбывших отозвалась Ефимия.

Она ощутила легкую неловкость из-за того, что, запрокинув голову, рассматривала стены дворца. Леди так не поступают, это невежливо по отношению к хозяину дома. В данном случае – к Эммануэлю. Однако остальные претендентки, похоже, и вовсе считали ниже своего достоинства общение с человеком без титула. Девушка мысленно их пожалела.

С такими умственными способностями на отборе далеко не продвинешься. Во-первых, на столь высокий пост по определению назначали только дворян. Во-вторых, мажордом – это не вилки-ложки носить, от него многое зависит. Например, настроение императора.

Эммануэль не обратил внимания на чужие пробелы в воспитании. Ну или сделал вид. Ефимия не сомневалась: он и не такое в своей жизни повидал. Она осторожно наблюдала за ним, изучала. Опасный человек! Уже не молод, глаза умные, хитрые. С ним нужно быть настороже. Эммануэль вполне мог помнить генерала Брока, явно служил еще прошлому императору. И уж точно он встречался в дворцовых коридорах с Анжелой. Впервые Ефимия пожалела о своей броской внешности. Она Брок до кончиков ногтей, все фамильные черты в наличии. Тетка хотя бы не такая жгучая брюнетка и ростом пониже. Ох, как бы не понял! Но поздно, придется играть до конца и стараться пореже попадаться мажордому на глаза.

– Я провожу вас в крыло претенденток и коротко введу в курс дела, – невозмутимо продолжил Эммануэль и попросил следовать за ним.

Ефимия едва не совершила фатальную ошибку, поинтересовавшись: «А как же вещи?» В мире аристократов все иначе, не стоит заботиться о чемоданах.

Вопреки ожиданиям, мажордом направился не к центральному входу, а свернул к левому боковому крыльцу. Де-

вушки зароптали, маркиза даже намекнула на неподобающий прием:

– Мы не слуги, а лучшие девушки графства!

– Безусловно, – пряча саркастическую улыбку, учтиво согласился Эммануэль, – именно поэтому вам выделили особые покои, целое дворцовое крыло, где вам никто не помешает.

«Или вы никому не мешаете», – Ефимия мысленно озвучила читавшееся между строк. Странно, конечно, зачем затевать отбор, если тяготишься потенциальными невестами. Оставалось надеяться, что претенденток не запрут по комнатам, иначе придется срочно менять планы.

Однако стоило кандидаткам переступить порог, как волнение сменилось приглушенными вздохами восхищения. Дворец надлежало бы назвать Белоснежным – внутри преобладал именно этот цвет. По украшенной медальонами мраморной лестнице, слишком широкой для второстепенной, девушки поднялись на второй этаж. Оттуда через галерею с зимним садом они попали в крыло, образовавшее одну из боковых граней следующего внутреннего двора.

– Покои претенденток. – Эммануэль указал на закрытые двери, возле которых, словно часовые, вытянулись во фронт лакеи.

Ефимия нахмурилась. Выходит, участниц превратили в птичек в клетке. Пусть себе прихорашиваются, щебечут и радуют глаз в установленные часы.

– Простите, – обратилась она к мажордому, – правильно ли я поняла, что нам запрещено свободно передвигаться по дворцу?

Спрятанная на груди бутылочка с наперстянкой обжигала, кожа под ней чесалась. Казалось, будто пробка потерялась, и часть содержимого затекла под лиф, но Ефимия понимала: это всего лишь нервы.

– Отчего же, – удивленно глянул на нее Эммануэль. На мгновение девушка пожалела о своем вопросе, испугавшись узнавания, но обошлось. – Вы ни в чем не ограничены, миледи. Хотя, право, я не знаю, что вам может понадобиться.

То есть прямого запрета нет. Уже хорошо.

– Я люблю гулять перед сном, – взмахнула ресницами Ефимия, старательно пряча свою радость. – Так, немного пройтись по парку. Заверяю, я буду осторожна и никого не потревожу.

– Можете гулять, сколько вам вздумается, миледи, – милостиво разрешил Эммануэль.

Остальные девушки многозначительно переглянулись. Наверняка решили, будто Ефимия рассчитывает подкараулить императора.

Распахнув двустворчатые двери, мажордом провел их в большой зал, напоминавший гаремный дворик из романов. Декораторы постарались максимально точно воспроизвести заморский декор, не поскупились даже на маленький фонтан. Струя воды вытекала из мраморной раковины и через

другую, большую по диаметру, уходила обратно в трубу. Рядом поставили кадку с карликовой пальмой.

– Зал одалисок. – Эммануэль обвел рукой экзотическое помещение. – Место общего сбора участниц отбора. Здесь же объявляются имена выбывших кандидаток. В соответствии с расписанием, – мажордом зашелестел извлеченным из внутреннего кармана листом бумаги, – вы должны появляться в зале утром и вечером, в девять и в шесть часов соответственно.

– Зачем? – подала голос одна из зеленоглазых баронесс. – Разве каждый день станут отсылать по две девушки?

– Понятия не имею, миледи. Я всего лишь отвечаю за ваш комфорт.

Ефимия понимала: мужчина лукавит. Все Эммануэль прекрасно знал, но специально притворялся обычным исполнителем. Наверняка и оделся как обычный слуга, для того чтобы понаблюдать за девушками и поделить выводы с императором. Явись мажордом в парадном камзоле, участницы принялись бы жеманничать, стремились выставить себя в лучшем свете.

– А кто проводит отбор? Неужели сам император? Или, может, первый министр? – не унималась баронесса.

– Со временем узнаете.

Эммануэль оказался тем еще лисом, мастером уклончивых ответов. Выходит, первоначальные выводы верны, и он не столько заботился об их комфорте, сколько наблюдал.

– А теперь, уважаемые леди, я готов выслушать ваши пожелания и по возможности их выполню.

Пока остальные девушки подробно перечисляли свои требования, а мажордом их тщательно записывал, Ефимия отошла в сторонку. Какая разница, яблоки или груши подадут на завтрак, ей подойдет и то и другое.

Мозаичные панно на стенах чередовались со шкафами, наполненными разного рода диковинками. Ефимия рассматривала каждую вазу, каждую статуэтку, не подозревая, что за ней следят. Не снизу – сверху. Как у любого, пусть даже стилизованного, восточного парадного помещения, у Зала одалисок имелся секрет: второй этаж. Попасть туда можно было из крохотной каморки без окон. Четырнадцать ступеней, и ты беспрепятственно наблюдаешь с узкого балкона за тем, что творится внизу.

За выступом полуколонны притаился мужчина лет сорока. Разделенные косым пробором каштановые волосы были чуть короче с одной стороны и длиннее, прикрывая мочку уха, с другой. Глаза цвета предрассветного неба пристально следили за мажордомом и за претендентками из графства Орой: Ленар Горзен, граф Митас, не привык упускать ни единой детали. Однако сейчас он оделся так, чтобы никто не заподозрил в нем первого министра. Черный – беспрюжный цвет. В нем тебя принимают за слугу и не замечают. Впрочем, лицо Ленара не вязалось с выбранным образом. Слишком много властности в острой линии подбор-

родка, слишком много силы в тонких, но одновременно чувственных губах. Высокие скулы, едва тронутая загаром кожа и утонченные, вытянутые пропорции тела выдавали аристократа. Но черный на то и черный, что не станешь рассматривать выбравшего его человека.

Императорский дворец – нечто большее, чем просто набор комнат. На самом деле их и вовсе два. Второй прячется внутри первого, опутывает залы потайными ходами, секретными комнатами. Претенденткам на руку монарха предстояло выдержать гораздо больше испытаний, нежели они полагали. Ленар, как никто другой, знал, что только наедине с собой человек сбрасывает маску. Он намеревался заглянуть в душу каждой девушки.

– А вы, миледи?

Ефимия вздрогнула, не сразу сообразив, что обращаются к ней. Палец замер на выпуклости керамической плитки. Какой яркий мак! Красный как... кровь.

– Она какая-то деревенщина! – не удосужившись перейти на шепот, отпустила едкий комментарий маркиза. – Еще и без титула, всего лишь Феррир.

Молчать Ефимия не собиралась:

– Все мы когда-то были «всего лишь». Ваши предки тоже не родились с серебряной ложкой во рту.

– Род Торней насчитывает двенадцать поколений, – высокомерно заметила маркиза.

Обе баронессы притихли, с интересом наблюдая за пере-

палкой. Мажордом пока не вмешивался. Складывалось впечатление, что Ефимия, сама того не желая, участвовала в первом испытании.

– Всего двенадцать? – усмехнулась она, с удовольствием нанеся удар оружием соперницы. – В моем их четырнадцать.

– Боюсь, вам это не поможет, – не желая признавать поражение, пробурчала маркиза. – Император не опустится до бесприданницы, он выберет девушку из хорошей семьи.

Ефимия невозмутимо пожала плечами:

– Каждая из нас способна стать первой дамой империи.

Соперница испепелила ее взглядом и, отвернувшись, попросила Эммануэля:

– Если это возможно, поселите ее как можно дальше от меня.

– Конечно возможно, – эхом разнесся по Залу одалисок голос сверху. – Причем так далеко, что вы больше никогда не встретитесь.

Ленар вышел из тени полуколонны и оперся ладонями об оградительный барьер. Точно так же с балкона взирал бы на подданных император: идеально прямая спина, негибкая воля в глазах, нескончаемая уверенность в каждом жесте. Неудивительно, что девушки взволнованно зашептались: «Его величество!» Все, кроме Ефимии.

Память – занятная штука. Мы можем забыть имена предков, но до смерти не расстанемся с мимолетным запахом духов. Ефимия Брок и Ленар Горзен виделись лишь однажды,

но у девушки не возникло и тени сомнений, кто перед ней.

Тот день у Ефимии ассоциировался с запахом пролитого чая на пальцах. Стоило недавно назначенному первому министру войти, он наполнился полынной горечью.

Соболезнования Ленара резали слух. Ложь от первого до последнего слова! Как у него хватило наглости открыть рот?! Всем известно, благодаря кому мертв генерал Брок и его сыновья. Близким даже не позволили попрощаться с ними, на следующий день после трагической попытки освобождения отправили в ссылку.

Почему Ленар не уродлив? Душа обязана накладывать отпечаток на тело. Где бородавки, глаза-бусинки, заплывшее жиром тело? Ефимия старалась, но не находила в первом министре изъянов. Слишком красивый, слишком притягательный для врага.

Девушка порадовалась, что Ленар высоко и не заметил смятения чувств в ее глазах. Сверху она казалась такой же чуточку смущенной и воодушевленной, как остальные. На самом деле в ушах стоял шум, Ефимия смутно понимала, что происходит. Кажется, маркизе не повезло. Спесь и длинный язык отправляли красотку домой. Ленар недвусмысленно намекнул, что высокомерие среди конкурсанток не поощряется.

– Во дворец прислали лучших. Здесь нет случайных девушек, все они избранные, равные. Эммануэль, – мажордом почтительно склонил голову в ожидании указаний, – пожа-

луйста, распорядитесь, чтобы завтра утром девушку отправили домой. Чванливой аристократке никогда не стать императрицей.

– Но, ваше величество... – опешила маркиза и с мольбой обернулась к Эммануэлю.

Тот и не думал ей помогать, замер каменной статуей.

– Ваше величество неправильно все поняли! – Девушка отчаянно пыталась остаться во дворце. Запрокинув голову, она присела в реверансе и нацепила на лицо виноватую улыбку. – Мы всего лишь обсуждали родословные друг друга. Я ни в коей мере...

– Я все прекрасно понял, – оборвал ее Ленар и озвучил окончательный приговор: – Готовьтесь к отъезду, миледи. В отборе вы больше не участвуете.

Второй этаж опустел – первый министр скрылся за потайной дверью.

Опозоренная маркиза в досаде кусала губы. Спутницы искося посматривали на нее, но не решались открыто торжествовать: вдруг им тоже прикажут паковать вещи?

– Такое случается, – флегматично прокомментировал мажордом. – Отбор – дело серьезное, а его сиятельство – глаза и уши его величества.

– Так это был не император? – разочарованно ахнули претендентки.

Больше всех расстроилась маркиза. Еще бы, унижалась, строила глазки – и не Вардену.

Ефимия отвернулась, пряча презрительную ухмылку. На что надеялись эти курицы, если спутали монарха с министром? Остальные наверняка подготовились, изучили расписание дня его величества, подкупили слуг, чтобы оказаться рядом с Варденом во время прогулок.

– Нет, с вами говорил его сиятельство первый министр Рдожа граф Митас.

Поникшие девицы воспрянули духом. Они явно надеялись очаровать Ленера и с его помощью заполучить благосклонность императора. Их план играл на руку Ефимии: все решат, что ее интерес к первому министру вызван теми же причинами. На самом деле она хотела разрешить терзавшие ее противоречия. Ефимия поймала себя на мысли, что окончательно запуталась. Раз так, жизненно необходимо выяснить подноготную Ленера, прочитать бумаги по делу отца.

Глава 6

– Ну, как они тебе?

Откинувшись на спинку обтянутого кожей кресла, на Ленера в упор уставился его ровесник. Тоже шатен, сероглазый, с едва намеченной линией усов и крохотной бородкой. Первый министр устал просить его императорское величество избавиться от сомнительного «плевка» на подбородке. Увы, монарх не желал ничего слушать и старательно прятал за сомнительной растительностью ямочку, по его мнению, не вязавшуюся с квадратным подбородком. Якобы с ней Варден превращался в мягкотелого юношу. Ленару оставалось только смиренно пожимать плечами. При всем желании высокий, с хорошо развитой мускулатурой император не сошел бы за сопливого поэта, особенно когда хмурился. Тогда и без того низко посаженные брови придавали ему сходство с медведем.

Они росли вместе, давние товарищи по играм, и теперь вместе же стояли у руля власти.

– Да так... – Состроив кислую мину, Ленар отправил в рот очередной кусок куропатки. – Вы же знаете, мне не по душе эта затея.

Ужинать в присутствии императора – великая честь. Ужинать в его покоях без свидетелей – признак безграничного доверия. Граф порой шутил, что превратился в одну из фа-

вориток Вардена. Он видел императора в неформальной обстановке гораздо чаще, чем любая из них.

– Брось, мы одни, к чему условности? Или боишься, что из-за шкафа вылезет моя матушка?

Варден рассмеялся и указал на массивный книжный стеллаж.

– Вряд ли. – Ленар тоже улыбнулся. – Мне известны все дворцовые ходы. Тут их нет.

– Ой ли? – лукаво покачал головой император. – Тебе следует внимательнее изучить старые планы.

Он позволял себе дурачиться только в обществе графа, с удовольствием во время забывая о тяжести короны и ответственности, которую она накладывала.

– Вторгаться в покои императора? Как можно?! Строители бы не посмели.

Плечи Ленара расслабились. Он устало потянулся, сбрасывая напряжение минувшего дня.

Судьба свела будущих друзей детьми, когда обоим было по девять лет. Отец Ленара пристроил его пажом к наследнику престола. Он единственный из погодков, таких же мальчишек из благородных семейств, сумел задержаться у трона и сделал блестящую карьеру.

– Оставим в покое тайные ходы, давай о девушках, – вернулся к прежней теме император и налил себе еще немного вина. – Матушке следовало самой ими заняться, это ее затея. Сущий фарс! Если ей так хотелось меня женить, посватались

бы к той же принцессе Флафской. Поговаривают, она чудо как хороша. Мне без разницы, жена и жена, лишь бы не дура и не уродина.

– Отбор укрепит твою власть.

Ленар сделал паузу и, убедившись, что его «ты» принято благосклонно, продолжил:

– Не забывай, после восстания осталось много недовольных. Кое-кто считает, ты допустил непозволительную жестокость, казнил невиновных...

– Хватит! – Кулак императора с силой ударил по столу. Звякнула посуда. – Не желаю слушать! И не пытайся сделать вид, будто ты к этому не причастен, – язвительно добавил Варден. – Под каждым именем и твоя подпись.

Ленар повинно склонил голову. Он понимал, сейчас надо промолчать.

– Ладно, – все еще злясь, буркнул Варден и пригубил вино, – я понял. Девица – символ примирения с собственным народом. Но если уж я приношу жертву во имя бес знает чего, то имею право знать, что получу взамен.

– Есть парочка хорошеньких. – Движение челюстей возобновилось, но первый министр держался настороженно, пристально следил за собеседником. – Особенно мне понравилась одна брюнетка.

– Ну? – Варден оперся подбородком о сложенные «домиком» ладони и взглядом велел графу продолжать. – Не томи! Комплимент из твоих уст – неслыханная роскошь. Или де-

вушка украла твое сердце? Ну, – будто над кабинетом недавно не разразилась буря, лукаво подмигнул император, – признавайся! Когда наконец появится женщина, которая тебя утихомирит?

– Увы! – в притворном сожалении развел руками Ленар. – В моей постели достаточно женщин, обременение в виде жены мне не требуется. Толку с нее! Одни расходы и головная боль. Любовь и вовсе самая опасная из болезней.

– Ленар, Ленар! – укоризненно покачал головой монарх и налил приятелю вина, окончательно стерев неприятное послевкусие ссоры. – Когда нам было восемнадцать, ты говорил иное.

– В восемнадцать я был глупым юнцом. Ничего в кармане, ничего в голове, одни идеалы. А жизнь, знаешь ли, ничего общего с книжками не имеет. Дай сюда! – Он отобрал у Вардена бутылку. – Я пока твой подданный, мне и разливать.

– Ты мой друг, – поправил император. – А твой идеал звали Дианой. Не отвергни она тебя, давно бы обзавелся детьми.

– И хвала небу! – отсалютовал венценосному приятелю Ленар. – Как представляю, что женился бы на ней, вздрогну. Любовница приятнее жены. Она всегда ласкова и предупредительна, рада любому вниманию. И от нее просто избавиться, когда надоест. А теперь представь жену. Вечно болит голова, вечно не хватает денег. То новый выезд, то цвет лент на шляпке не тот. А дети? Сморщенные, вечно вопящие! Хорошо, если сразу мальчик, иначе придется раз за разом вли-

вать в себя галлон вина, чтобы навестить давно опостылевшую супругу. Так что прости, но я предпочитаю умереть холостым.

– Счастливец! – Тень набежала на лицо Вардена. – А мне, увы, скоро предстоит целовать супруге руку по утрам и слушать рассказы об очередных недомоганиях.

– Девушки не так плохи, – поспешил успокоить приятеля граф, – уверен, какая-нибудь да приглянется.

Немного помолчав, он признался:

– Я позволил себе вмешаться и выставил одну чванливую дуру. Надеюсь, ты не в обиде?

Маркиза Торней наделала шуму. В прямом смысле этого слова. После ухода Ленера она закатила жуткий скандал, требовала встречи с императором. Пришлось увезти ее силой. Императрице-матери доложили, что девушка серьезно больна. Таким образом вопрос о возможном возвращении был закрыт.

– Я полностью доверяю твоему чутью. Но, – Варден поднял указательный палец, – необходимо подстраховаться. Ты говорил о восстании... Я не хочу неприятных сюрпризов.

– Придворный маг завтра же осмотрит претенденток. Должен же он отрабатывать деньги, которые ты ему платишь?

Мужчины дружно рассмеялись и чокнулись бокалами.

Магия – вещь редкая, даже штучная, но отрицать ее наличие глупо. Кто-то из недругов императора мог подослать носителя смертоносного дара или снабдить его проклятой ве-

щью.

– Как думаешь, – Ленар вспомнил о более низменных, но эффективных способах убийства, – никто отравленный кинжал не припас? Женщин обыскивать не принято...

– Кто сказал? – хмыкнул Варден, рассматривая на просвет бокал. – Мне все можно, и я собираюсь это сделать.

– Поднимется скандал, – цокнул языком граф. – Императрице-матери это не понравится.

Он обязан предупредить, хотя целиком и полностью разделял принципы венценосного друга. Женщины – вовсе не всегда эфемерные, падающие в обморок создания, среди них полно отравительниц и наемных убийц. Первичный отбор проводили тщательно, но вдруг кому-то из родственников монарха не терпится занять трон? Императорская фамилия – это не только Варден и его мать, а множество двоюродных и троюродных кузенов и кузин, которые при удачном стечении обстоятельств могут на законных основаниях примерить корону.

– А мне не нравится конкурс, – буркнул император, – поэтому матушке придется проглотить недовольство. Обычная разумная предосторожность.

– Полагаю, сразу после проверки можно провести официальную церемонию знакомства, – предложил Ленар.

Варден скорчил рот в скорбной гримасе.

– Двадцать девять чопорных девиц, я и матушка. Брр!

– И половина двора. – Первый министр без-жалостно раз-

рушил ореол мученика у собеседника. – Это больше испытание для девушек, нежели для вас.

– Вот как? – поднял брови монарх. – Двадцать девять раз выслушать имя, двадцать девять раз поцеловать руку, пожелать удачи. Хочешь, поделюсь счастьем? Отдам половину.

– Уволь! – протестующе замахал руками Ленар. Он едва не поперхнулся от нахлынувших эмоций. – Мне хватает развлечений.

– Ужели? – Варден отодвинул тарелку с горкой птичьих косточек. – Что-то не припомню, когда ты в последний раз веселился!

– Не время, – тяжело вздохнул граф и тоже покончил с трапезой. Сработало впитанное с ударами тростью гувернера правило: нельзя есть, когда старшие, в данном случае монарх, встали из-за стола. – Нужно всех и вся контролировать.

– Решено! – Император поднялся, с шумом отодвинув кресло. Ленар тенью повторил его движение. – Ты танцуешь с моими невестами.

– Но...

Граф с трудом скрыл досаду. Он строил совсем другие планы на бал Открытия.

– Именно так, – повысил голос монарх. – И не спорь! Это дело государственной важности, потом потискаешь Катарину. Пригласишь парочку девушек, понаблюдаешь. Начнешь... А хоть с той брюнетки, которую мне сватал. Кстати, почему?

Ленар напряг память. Брюнетка... Ах да, из графства Орой. Красивая, неглупая, интересуется искусством. Но что-то в ней смущало. Дело во взгляде, которым она его одарила. Там не было привычного обожания или страха, так смотрел бы мужчина, оценивая соперника, решая, как с ним поступить. Потом она спохватилась, превратилась в обычную смущенную провинциалку, но Ленар запомнил ее мимолетную суровость.

– Как угодно вашему величеству.

Граф склонился в глубоком поклоне. Его терзали сомнения, не собирался ли Варден приударить за Катариной, пока Ленар обхаживает участниц отбора. Маркиза Плее слишком эффектна, чтобы не привлечь внимания монарха. Катарина, в свою очередь, вряд ли откажет императору.

– Что-то ты не рад! – поджал губы Варден. – Не любишь танцы? Давно ли?

Ленар предпочел промолчать. Может, Варден и друг, но прежде всего он император.

Позвонив в колокольчик, монарх велел неслышно возникшему слуге убрать со стола. Когда он удалился, Варден предложил приятелю выпить немного горького ликера:

– Он улучшает пищеварение.

– В твоем возрасте? – Ленар скептически поднял бровь.

Тень ревности никуда не делась, но граф старательно гнал ее от себя, не желая портить вечер.

– Особенно в нашем возрасте, мой друг. – Варден, посме-

иваясь, похлопал его по плечу. – Когда еще много ешь и пьешь. Так почему ты вдруг невзлюбил танцы?

– Отчего же, я не люблю совсем другого – развлекать по приказу.

Император нахмурился, а потом понимающе кивнул.

– А, все дело в малышке Катарине, – сладко растянул ее имя Варден, не оставив сомнений в своих намерениях. – Стареешь! Прежде ты не боялся потерять женщину. Так недолго лишиться должности.

– Кого же ты назначишь на мое место? – Первый министр стойко воспринял намек на отставку, наоборот, будто желая ее ускорить, сел, заложив ногу на ногу. – Дай угадаю!

Он задумчиво почесал подбородок.

– Кто засахарил твои уши лестью? Граф Корби? Нет, стой! Конечно, какой я дурак – лорд Марлоу! Недаром его сестра столь усердно трудилась в постели.

– Ты играешь с огнем! – насупив брови, предупредил император. – Я стерплю многое, но все же...

– Прости, – развел руками Ленар и принял подобающую позу, – ты даже не первый в списке охотников за моей головой. Не переживай, я никогда не забуду, что ты император. Именно поэтому я буду танцевать с твоими женщинами, улыбаться и осыпать их комплиментами.

– Давай уже выпьем, Ленар! – со вздохом покачал головой Варден. – Иначе договоримся до синих звездочек.

Он отпер скрытый деревянной панелью тайник и, поколе-

бавшись, извлек пузатую зеленую бутыл.

– Порой ты несносен! – признался монарх, звякнув фужерами. – Мне действительно хочется отправить тебя в отставку, но потом я вспоминаю, что другого такого первого министра не найти, и прощаю.

Больше опасных тем в императорском кабинете не поднимали. Приятели расположились у камина и, потягивая зеленую, напоминавшую колдовское зелье жидкость из хрустальных фужеров, сплетничали о дамах.

* * *

На половине претенденток тоже не спали. Кто-то грезил о короне, кто-то скучал по дому, кто-то радовался возможности хотя бы одним глазком взглянуть на дворец.

К Ефимии тоже не шел сон. Прильнув лбом к стеклу, она смотрела на тонущий в темноте парк, вход в который освещали мигавшие на легком ветерке – факелы.

На крышке секретера лежало начатое письмо. Ефимия не могла продвинуться дальше первой строчки. «Дорогая Анна...» Как объяснить сестре, почему Ефимия так поступила? Что можно написать, а о чем лучше умолчать? И как быть с Ленаром Горзеном? Даже в отсвете факелов виделся его силуэт. Казалось, протяни руку – и коснешься плеча. А еще лучше шеи, чтобы одним движением... Но девушка слишком хорошо понимала, что не сможет, не сделает.

Зачем он здесь? Зачем она подняла голову, увидела его? Гораздо проще бороться с абстрактным первым министром. Агнешка Блеккуок только спасибо скажет за отравленный чай. Можно ведь и не убивать, всего лишь сорвать какое-нибудь важное заседание... Или таки до смерти?

Ефимия стиснула виски и обернулась к секретеру. Нужно закончить письмо. Анна грезил дворцом и не простит, если сестра хотя бы не опишет свои покои. Ефимия усмехнулась. О, это целый дворец во дворце! Только ванная комната размером с их спальню. Помимо нее имелась скромная гардеробная без окон, спальня и гостиная. Везде шелк, благородные породы дерева.

Девушка обмакнула перо в чернила и, задумавшись, поставила на бумаге жирную кляксу. Ну вот, придется переписывать! Хотя о чем тревожиться, о двух словах?

– Все, хватит! – Скомкав испорченный лист, Ефимия отправила его в корзину. – Само провидение пытается помешать тебе сделать глупость. Забыла, что все письма просматривают? Или, думаешь, адресом не заинтересуются? Довольно с тебя придворного мага!

Девушке не давал покоя прокатившийся по крылу претенденток слух. От него сосало под ложечкой. Проверка! А у нее наперстянка... Как ее объяснить? Соврать, будто страдает сердечным недугом? Нет, это верный способ очутиться по ту сторону дворцовых ворот. Эх, знать бы, способны ли маги проникать в мысли!..

Но если бы проблемы ограничивались волшебством – Ефимия едва не опозорилась, когда служанка готовила ее ко сну. Девушка понятия не имела, что слуги обращались с аристократками как с куклами, не позволяли самой надеть ночную рубашку. Сестры Брок привыкли мыться и шнуроваться самостоятельно, и отказ Ефимии вызвал у горничной недоумение. Той удалось списать все на усталость и позволить себя раздеть, иначе бы прислуга активно судачила о странной претендентке. Спасибо, Ефимия успела спрятать бутылочку под подушку. Нужно поискать более надежный тайник.

Убедившись, что ее секрет цел, девушка вернулась к окну, уставилась на темный парк. Она и не заметила, как на запотевшем от дыхания стекле возникли две упрямые буквы – «ЛГ».

Серые глаза, бросавшая вызов устоям прическа, умение сразу ухватить суть вещей, как в случае с маркизой.

Ефимия в сердцах стерла инициалы первого министра и, потушив свечу, забралась в постель.

Святые угодники, зачем она думает о нем как о мужчине? Без разницы, красив он или уродлив, низок его голос или высок, Ленар – враг. словно ища поддержки, девушка стиснула в пальцах бутылочку с ядом. Не помогло, граф упорно не желал превращаться в безликий образ.

– Интересно, – Ефимия перекатилась на спину, – сколько у него женщин? Наверное, много. Он стоял там, наверху, такой уверенный, неотразимый. Привык, что все его слушают-

ся, смотрят на него с обожанием. Ничего, – неизвестно кому пообещала девушка, – я собою с него спесь!

Воображение живо нарисовало картину: Ефимия в той же ночной рубашке лежит на огромной кровати и, подперев щеку ладонью, смотрит на Ленара. Полуобнаженный, он разметался на простынях. Пот стекает по тяжело вздымающейся груди. Ефимия улыбается, любит его гладкой кожей, рельефными мышцами. Девушка нахмурилась и рывком села на кровати. Дворец дурно влиял на нее, прежде Ефимия за собой подобных фантазий не замечала.

– Что же это такое! – Девушка в сердцах ударила рукой по одеялу. – Везде проклятый Ленар! Если он начнет соблазнять меня во снах, видят святые и Создатель, я придушу его на балу!

Ефимия пару раз вдохнула и выдохнула. Отпустило. Она переволновалась, не рассчитывала сразу же встретить первого министра, только и всего. А постель, мужчина... Так ведь Ефимию собирались выдать замуж, вот в голове и смешалось.

– Интересно, каков император? – Девушка снова улеглась на спину. – Такой же, как на ассигнациях? Говорят, он был помолвлен, но принцесса Марианна скончалась от чахотки. Наверное, император очень ее любил, раз женится только спустя семь лет. Даже матушка по отцу столько траур не носила.

Первая помолвка Вардена состоялась вскоре после того,

как в Рдоже погасили последние очаги восстания. Принцесса Марианна только-только вошла в брачный возраст, но императрицей не стала, скончалась в том же году. Шептались, будто родные скрывали ее недуг, надеялись успеть породниться с могущественными соседями.

— Главное, не упасть в обморок: корсеты при дворе шнуруют туго. С остальным справлюсь. Реверанс у меня практически идеальный, танцую неплохо. Спасибо графине Малжбетен, она не поскупилась на учителей. Наверное, потому, что Создатель не послал ей дочерей. Графиня не раз повторяла, как хотела бы родить девочку, но увы, она и сына-то выносила с трудом.

Хм, Ефимия, кажется, придумала, куда спрятать наперстянку. Вон та декоративная ваза отлично подойдет. Девушка еще вечером убедилась: служанки не утруждали себя, проходились метелкой только снаружи, а внутри скопилось достаточно пыли. На первое время сойдет, а потом Ефимия что-нибудь придумает.

Глава 7

Гостиная наполнилась ароматом женских духов. Еще бы, в ней собрались все двадцать девять соискательниц руки императора! Обмахиваясь веерами, они сетовали на слуг, не желавших отворить окно.

– Простудимся мы, как же! – скорчила гримасу одна из девушек злобно зыркнув на ливрейного лакея в дверях. – Скажи бы прямо: боятся, что сбежим.

– Как думаете, – обратилась к ней миниатюрная шатенка с пятнами смущения на щеках, – среди нас действительно ведьма?

– Вряд ли! – усмехнулась блондинка и обратилась к сидевшей напротив Ефимии: – Если бесов маг не объявится через полчаса, я выброшусь в окно. А вы?

Девушка Брок улыбнулась:

– Пожалуй. Но я бы на вашем месте говорила тише. Нас слишком много, а место невесты – всего одно.

– Полагаете, самоубийство превратится в убийство? – Судя по лукаво сверкнувшим глазам, собеседница оценила ее шутку.

– Я бы не стала рисковать. Уверена, все девушки идеально воспитаны...

– ...но хорошее воспитание мгновенно испаряется, когда дело касается мужчины, – закончила за нее блондинка. – Од-

нако шутки шутками, а это настоящая душегубка!

Ефимия согласно кивнула. Гостиная подходила для камерных чаепитий на пять-шесть человек. Оставалось только гадать, почему участниц отбора собрали здесь, а не в том же Зале одалисок. Позабыв об этикете, девушки уселись вплотную друг к другу, однако места все равно не хватало, многим приходилось стоять. Ефимии повезло. Она пришла в первых рядах и в качестве приза получила кресло.

– Может, это тоже испытание? – продолжила словоохотливая блондинка. – Мы жалуемся, бурчим, а через дырку в ковре за нами пристально наблюдают.

Сидевшие рядом Ефимия и стеснительная шатенка дружно обернулись к шпалере со сценой из рыцарского романа. Показалось, или дама на ней моргнула?

– Элизабет Сомерсби, – представилась блондинка и по-мужски протянула Ефимии руку. – Единственная дочь графа Экта. Сорвиголова, негодная наследница и прочее.

Она рассмеялась и задорно подмигнула девушкам.

Сорвиголова? А по виду и не скажешь – голубой шелк, чуть тронутые розовой помадой губы, романтические локоны. Но стоило Элизабет открыть рот, как истинная натура брала свое. Ефимия сразу прониклась к ней симпатией. Она догадывалась, что Элизабет участвует в отборе не по собственной воле. Наверняка настоял отец.

– Мирабель Арно, – в свою очередь представилась шатенка и, покраснев еще больше, хотя, казалось, куда уже, доба-

вила: — У меня титулов нет, мой отец — простой лорд.

— Сколько же вам, милое создание?

Элизабет заподозрила, что стеснение девушки продиктовано не только волнением и воспитанием.

— Шестнадцать, — чуть слышно призналась Ми-рабель.

Нижний порог допустимого возраста. Видимо, отец очень сильно хотел видеть дочь императрицей. Но вела себя Ми-рабель и вовсе на четырнадцать, та же Анна не стушеввалась бы. Ефимия на минутку представила сестру на месте новой знакомой. Анна наверняка бы велела сделать локоны-пружинки и начесать волосы на затылке, чтобы казаться взрослее. Она подсмотрела прическу на одном из приемов леди Малжбетен и с тех пор копировала для каждого бала, куда их приглашали. И уж точно бы Анна не краснела, наоборот, без умолку болтала и перезнакомилась со всеми соперницами. Ну и раз сто повторила, кто станет императрицей.

Кивнув собственным мыслям, Элизабет озвучила собственный возраст:

— Мне восемнадцать. А вы? — обратилась она к Ефимии. — Как вас зовут, откуда вы? Придется развлекаться светской беседой, раз маг задерживается. Не узоры ковра же рассматривать!

Девушка на краткий миг замялась, но тут же улыбнулась, прогоняя тревогу. Взор, Броки не знали с Сомерсби, уж точно не настолько, чтобы изучать их родословную. Когда Элизабет вошла в брачный возраст, тела обоих братьев давно

истлели в могиле, поводов для пристального интереса нет, опасаться нечего.

– Ефимия Феррир. Боюсь, – вздохнула она, – на вашем фоне я старая дева. Мне целых двадцать лет!

– О, это вовсе не недостаток! – заверила Элизабет и придиричливо осмотрела собеседницу.

На миг показалось: узнала! Сердце подпрыгнуло к горлу, на щеках едва не расцвели предательские пятна, такие же, как у Мирабель. Но наследницу графа волновала внешность, а не происхождение.

– С такими глазами у вас наверняка отбоя от женихов нет. Правильно, не торопитесь. Брак – дело серьезное. Вот так потеряешь голову, согласишься сладким речам, влюбишься в линию подбородка, а он уже обобрал до нитки и развлекается в супружеской постели с любовницей.

Ефимия отвела глаза. Невольно Элизабет попала в точку, с одной лишь разницей – они с тем мужчиной никогда не принадлежали друг другу.

Пальцы цепко сжали веер. Перед глазами на мгновение возник шатен на втором этаже Зала одалисок. Моргнув, Ефимия прогнала видение и сосредоточилась на другом: заплаканном, осунувшемся лице матери. Помогло.

– О, похоже, кто-то успел украсть ваше сердце! – Элизабет оказалась проницательной.

– Дело прошлое. – Девушка поставила жирную точку в обсуждении своей личной жизни. – Но вы правы, я не тороп-

люсь связывать себя узами брака, хотя претенденты были.

Ефимия порадовалась, что собеседница не стала расспрашивать о родителях. Хотя и так понятно, если не хвастаются титулами, то их нет.

– Ох, неужели к вам сватались, а вы отказали? – осмелилась спросить робкая Мирабель.

Она смотрела на Ефимию с таким восхищением, что стало смешно. Подумаешь, смелый поступок – не согласиться стать чьей-то женой! Оставалось надеяться, что и Анне хватит духу отказать Льюису Бару, если тот вздумает переключиться на младшую сестру. Может, они дочери предателя, бесприданницы, но не потеряли чувства собственного достоинства. Если бы Льюис хотел жениться на Анне, сразу бы ее и обхаживал. Там уж дело сестры, Ефимия бы не вмешивалась.

– Да, и не единожды.

– Я тоже, – призналась Элизабет. – Отбор спас от очередного навязчивого жениха. Как вспомню о Жаке, вздрогну. Брр!

Она передернула плечами.

– А я бы не смогла, – вздохнула Мирабель. – Если бы отец сказал, пошла.

По рядам кандидаток пробежала волна оживления, заставив троицу дружно вытянуть шеи. Неужели начинается? Стоявшие ближе к дверям кандидатки зашептались, дружно поправляя прически. Повинуясь всеобщему порыву, Ефи-

мия тоже потянулась к волосам, но вовремя отдернула руку. Это не привычная коса, вряд ли она без посторонней помощи сможет заново соорудить конструкцию из локонов и шпилек, увенчанную малой диадемой. Их полагалось носить всем участницам отбора. А еще яркие ленты через плечо разных цветов. Ефимии досталась зеленая. Она догадывалась: ленты придумали для удобства императора. Так он мог легко различать девушек, не утруждаясь запоминанием имен.

Слуги почтительно распахнули двери, впустив в гостиную низенького пухлого мужчину. Ефимия не сдержала вздоха разочарования: она представляла мага другим, высоким, сухопарым. Одевался мужчина тоже как смазливый фаворит какой-нибудь принцессы, этакая райская птичка, отъевшаяся на имперских харчах. За магом тенью следовали двое: Эммануэль и незнакомый мужчина с блокнотом в руках, наверное, секретарь.

– Доброго утра, дамы! – поздоровался волшебник. – Позвольте представиться: Клод Варнус, придворный маг его величества. С нашим любезным мажордомом вы уже знакомы. Помимо него нам помогает господин Эрнест Хомос, секретарь вдовствующей императрицы.

Клод выбрал не лучшее обращение, о чем ему не преминули напомнить несколько острых взглядов. Маг смахнул их, словно крошки со стола, и объяснил дальнейшие действия:

– Я стану по очереди вызывать вас в соседнюю комнату.

Господин Хомос, – секретарь поклонился, – все тщательно запротоколирует, а господин Дидье проводит успешно прошедших проверку девушек в парк, к ее императорскому величеству. Она изъявила желание на день принять вас в штат своих фрейлин.

Вот и первое испытание.

Ефимия быстро составила план действий: не спорить, улыбаться, предупредительно исполнять поручения. Не так уж сложно для той, которая терпела насмешки деревенских мальчишек в первые годы ссылки.

– Вопросы, барышни?

Клод обвел взглядом собравшихся и, удовлетворенно кивнув, в сопровождении секретаря удалился в соседнюю комнату. Что там, разглядеть не удалось: дверь быстро закрыли. Возле нее стражем замер Эммануэль. Напрасно любопытные просили приоткрыть тайну, мажордом упрямо молчал. Дождавшись, пока претендентки успокоятся, он извлек из внутреннего кармана список и начал вызывать по одной девушке в алфавитном порядке. Мудро: все равны, никаких обид. Мирабель отправилась первой, Ефимия оказалась последней. Чем меньше кандидаток оставалось в гостинной, тем больше она нервничала. Когда и Элизабет скрылась за дверью, в горле и вовсе резко пересохло. Что там? Как все происходит? Обрато никто не возвращался, значит, комната проходная.

И вот она осталась одна...

Ефимия в волнении смяла юбку. В голову лезли мрачные мысли. Вдруг горничные таки заглянули в вазу и нашли бутылочку с наперстянкой? Тогда никакой проверки нет, девушек сразу проводили в парк, а вот Ефимию дожидался конвой. Очень удобно – приказать назвать ее фамилию последней, чтобы без шума арестовать.

Ну вот, она уже наматывает локон на палец. Если дальше так пойдет, начнет кусать ногти. Нужно срочно отвлечься, перестать столь явно нервничать.

Наконец прозвучало:

– Леди Ефимия Феррир.

Девушка поднялась и нарочито спокойно направилась к почтительно распахнутой двери. За ней оказался не портал в преисподнюю, даже не магическая лаборатория, а самый обычный кабинет. Мирно тикали часы, кокетничали пастушка и пастух на каминной полке, сдержанно улыбались со стен дамы и кавалеры в старинных нарядах. Никаких солдат, разгневанного императора и пыточных тисков. Ефимия окинула быстрым взглядом стол и с облегчением выдохнула. Если бы наперстянку нашли, то выставили бы на всеобщее обозрение как главный пункт обвинения.

Клод Варнус расслабленно устроился в кресле в левой части комнаты. Справа, на небольшом подиуме, зажатом между полками с книгами, что-то усердно писал господин Хомос. При появлении Ефимии он на краткий миг поднял голову и снова углубился в работу.

– Присаживайтесь, пожалуйста!

Клод указал девушке на свободное кресло. Его развернули так, чтобы сидевший оказался лицом к придворному магу. Придерживая юбки, Ефимия осторожно опустилась на предложенное место, поборов желание сложить руки на коленях.

– Все достаточно просто. – Маг не сводил пристального взгляда с ее лица. – Вам нужно молчать и не двигаться до моей команды.

И только? Ефимия была чуточку разочарована. Она полагала, Клод проколет ей палец, станет изучать под лупой ее кровь.

Ефимия кивнула:

– Я готова.

На самом деле она до дрожи боялась грядущей проверки.

Когда Клод зашел ей за спину, девушка намертво вцепилась в подлокотники кресла. Ефимия даже зажмурилась от страха, но прошла минута, другая, а страшные слова не прозвучали. Казалось, вообще ничего не происходит. Ефимия осторожно скосила глаза и удивленно нахмурилась. Клод водил руками возле ее головы. Вряд ли он дурачился – зрителей нет, выходит, действительно колдовал. Испугавшись, что маг прочитает ее мысли, Ефимия принялась мысленно считать: некогда она то ли слышала, то ли читала о подобном способе сбить с толку ментала. Когда все закончилось, девушка успела дойти до ста. Клод вернулся в кресло и велел секретарю поставить возле фамилии Ефимии «птичку».

– Все в порядке, миледи, – заверил он. – Проверка – сушая формальность. Не в обиду, но я еще не встречал ни одной женщины-мага. А если бы Создатель вдруг наделил представительницу слабого пола даром, она бы не прошла отбор строгой комиссии.

– Безусловно. – Губы одеревенели, но Ефимия сумела раздвинуть их в слабой улыбке. – Я не в обиде. Безопасность империи превыше всего, вы лишь выполняли свою работу.

Шаблонная фраза упала на благодатную почву. Еще недавно отстраненный, Клод засиял, обрадованный уважением к своему ремеслу.

– Будете смеяться, но вы первая, кто понял суть процедуры, – пожаловался он. – Остальные леди посчитали ее чуть ли не личным оскорблением.

Даже Мирабель? Она скорее умерла бы от смущения, нежели посмела конфликтовать с придворным магом.

– Прискорбно! – охотно включилась в беседу Ефимия. Увы, не по доброте душевной, а из корыстных побуждений – заручиться поддержкой Клода. – Им следовало бы больше думать об императоре, нежели о себе.

Ах, майстер Варнус, – окончательно вошла в роль девушка, даже руками всплеснула, – вы бы слышали их разговоры! Сплошное самолюбование! Такое впечатление, будто они родились с короной на голове. Ох, простите, – уже искренне спохватилась она, – прежде я не встречала магов и не знаю, как к ним обращаться.

Вдруг Клод дворянин, тогда ее «майстер» оскорбительно.

– Все в порядке, – заверил маг. – Я тоже не состою в родстве с императорской фамилией.

Поболтав немного с Клодом о тяжелой доле обычного, пусть и наделенного даром человека при дворе, Ефимия благополучно покинула комнату. Никто не спешил ее арестовывать. Истинное происхождение девушки пока тоже оставалось тайной за семью печатями. Впереди ждало испытание императрицей-матерью.

Итак, отбор начался. Интересно, все девушки доживут до бала Открытия? Седьмое чувство подсказывало, что ее величество Алисия окажется строже всех судей, вместе взятых.

Попасть в парк из отведенного претенденткам крыла было легко – достаточно спуститься по очередной лестнице. Она оказалась не столь широка, как виденная в первый день, без скульптур и вазонов, но тоже мраморная. Сосредоточенные девушки покорно следовали за Эммануэлем, словно птенцы за уткой, ведущей их к водоему. Кто-то заучивал слова приветствия, кто-то репетировал правильное выражение лица. Пара минут – и претендентки уже стояли возле увитой плющом арки. Ефимия видела ее из окна спальни.

– Ее величество уже там? – велел девушкам обождать, важно осведомился у стражников Эммануэль.

– Да, милорд, – почтительно ответил старший по званию. – Пару минут как.

– Кто с ней сегодня?

– Леди Амальфина и барон Марлоу.

Мажордом довольно кивнул и обернулся к подопечным.

– Правила общения с ее величеством просты: доброжелательность и честность. Вам повезло с дежурной фрейлиной, леди Амальфина точно не устроит каверз. Барон Марлоу вне игры, у него нет ставленниц на отборе.

Ефимия не ошиблась, Эммануэль – важная фигура при дворе. Она не удивилась бы, если бы он подстроил так, чтобы во время знакомства с императрицей подле нее оказались нужные люди.

Ее величество мерила шагами песчаные дорожки в цветнике. Он простирался на несколько сот метров, поражая воображение причудливыми красками и затейливыми композициями. Сама императрица тоже блистала, смело сочетала лимонный цвет с одним из темных оттенков зеленого. Волосы Алисии поредели до срока, и она много лет носила шиньон. Высокая, почти как Ефимия, императрица умело балансировала на грани грузности. Бриллиантовая брошь в виде звезды на груди и бриллиантовая же диадема в волосах красноречиво обозначали статус женщины.

Позади императрицы, практически шаг в шаг, ступали сопровождающие: та самая леди Амальфина, худощавая дама средних лет, и барон Марлоу, ровесник покойного генерала Брока. Чуть дальше, чтобы не мешать, семенила служанка, готовая в любую минуту подать складное кресло или стакан лимонада.

– Эммануэль, друг мой! – Алисия просияла при виде мажордома и раздраженно махнула спутникам. – Оставьте нас!

Леди Амальфина и барон Марлоу покорно удалились, но не потеряли императрицу из виду.

– Ваше величество!

Выказывая свое почтение, Эммануэль чуть ли не пополам согнулся и облобызал ладонь в лайковой перчатке. Императрица чуть повела глазами, и он выпрямился, взял ее под руку.

Девушки переглянулись. Многие сделали выводы, к которым чуть ранее пришла Ефимия.

Вот тебе и простая одежда, черная униформа слуг! На них, маркиз и графинь, императрица взглянула холодно, мельком, а к Эммануэлю явно благоволила.

Странная парочка удалилась к идеально ровному боскету. Они о чем-то совещались, периодически посматривая на участниц отбора. Но вот императрица кивнула, и Эммануэль вернулся к подопечным. Девушки полагали, он что-то им скажет, но мажордом без лишних слов бросил их на растерзание матушке потенциального жениха.

Участницы отбора, все как одна, замерли в почтительном реверансе. Императрица не спешила их поднимать. Обмахиваясь веером, будто на улице царила невообразимая жара, она вглядывалась в опущенные лица. Сложно сказать, удовлетворили ли ее отобранные комиссиями кандидатки. В равной степени императрица могла счесть их никуда не год-

ными либо похвалить. Хотя нет, губы таки разочарованно дрогнули. Как всякая мать, она искала сыну идеальную супругу. Таковых, естественно, в природе не существовало.

– Надеюсь, вы понимаете, – зашелестел гравий, в такт ему ударялся о ладонь сложенный веер, – где и для чего вы находитесь, осознаете свои права и обязанности.

Вопрос не требовал ответа, и императрица продолжила, прохаживаясь перед участницами отбора:

– Попасть сюда – большая удача, но вы должны приложить вдвое больше усилий, чтобы остаться. Я решила взглянуть на вас прежде сына, чтобы исправить возможные ошибки отборочных комиссий графств. Красоты или происхождения мало, вы должны доказать, что достойны высокого статуса. Те, кого я сочту перспективными, позавтракают завтра с императором.

Алисия велела служанке принести стул и с комфортом устроилась посреди дорожки. Позади нее, словно стража, замерли леди Амальфина и барон Марлоу.

Девушки по-прежнему балансировали в неудобной позе: самовольно выпрямиться они не могли.

– Довольно! – смиростивилась императрица, когда ноги бедняжек начали дрожать от напряжения. – Настоящая леди способна не двигаться минутами. Теперь подходите по одной – пришло время знакомиться.

В рядах девушек наметилось замешательство. В итоге первой вышла Эрнестина Ласси – единственная герцогиня.

ня в сонме графинь, маркиз, баронесс и обычных леди. Она непринужденно склонилась в столь низком реверансе, что едва не подмела волосами песок. Затем выпрямилась и скромно потупила взор.

– Представьтесь, милочка, расскажите, что сочтете нужным, и пройдите отсюда... – Императрица ненадолго задумалась. – Вон до той клумбы. Косолапая невестка мне не нужна.

Кто бы сомневался, герцогиня ходила так, что не расплескала бы кувшин с водой на голове. Говорила она тоже только то, что от нее хотели услышать. Она-де счастлива оказаться здесь и надеется привлечь внимание его величества.

Пример герцогини подхватили остальные. Они наперебой пели, как грезил об императоре, сколько хорошего слышали о его матушке. Ефимии хотелось нарушить сладостный хор, но, следуя заготовленному плану, она тоже притворилась влюбленной соискательницей. Девушка не забыла подчеркнуть, что такой шанс выпадает раз в жизни, и ей, обычной леди, даже не приходилось о нем мечтать.

– Вы очень высокая.

Опять по выражению лица не поймешь, упрек это или комплимент.

– Я пошла в отца, ваше величество.

Опасная, скользкая тема, но в некоторых случаях лучше сказать правду.

– Женщине лучше быть ниже мужчины, однако вы непло-

хо бы смотрелись рядом с Варденом. Мой сын высокий, обычные партнерши ему по плечо.

Ефимия ушам своим не поверила. Ее только что выделили! Взгляды заклятых подруг по отбору прожигали спину. Если бы могли, они укоротили бы Ефимию на голову.

Императрица кивком головы отпустила девушку и занялась следующей. Пока все шло хорошо. Ее величество приятно удивило то, что не пришлось никого выбраковать.

– Надо же, – обратилась она к леди Амальфине, – умеют, когда захотят! Тут можно выбрать приличную невестку. А вы как считаете?

Фрейлина чиркнула взглядом по напряженным лицам и кивнула:

– Хорошие девушки, ваше величество.

– А вы как считаете, барон?

– На месте его величества я бы женился на всех сразу, – пошутил Марлоу.

– Тогда допустим всех, пусть готовятся к протокольному завтраку. Запомните, первое впечатление можно произвести лишь единожды, – напутствовала кандидаток императрица. – На вас станут смотреть, оценивать. Надеюсь, – строго добавила она, – танцевать все умеют?

– Да, ваше величество, – дружно ответили девушки.

Алисия холодно улыbnулась и вскользь обронила:

– Кому-то из вас со временем предстоит называть меня «матушкой». Возможно.

И все, ее величество, потеряв всякий интерес к участникам отбора, повернулась к ним спиной

Ефимия испытала легкое разочарование. Она готовилась терпеть вздорную старуху весь день, а та ограничилась от силы часом. Слишком легкое испытание! С другой стороны, встреча с императрицей – всего лишь разминка, впереди ждал бал и прочие испытания.

Глава 8

– Я себе его совсем другим представляла, – чуть слышно прошептала Мирабель.

Громче нельзя, в огромной, сияющей серебром столовой с важными ливрейными лакеями за спинками стульев непременно кто-то услышит. А если услышит, то порадует: одной соперницей меньше. Неуважение к его величеству – весомое основание немедленно отправиться паковать вещи.

– Каким же?

Ефимия покосилась на императора, старательно не замечая другого мужчину, сидевшего по правую руку от Вардена. Получалось... Да ничего не получалось, по правде говоря. Ефимия остро ощущала его присутствие, злилась и смущалась одновременно. Пожалуй, впервые в жизни она ратовала за строгое соблюдение дворцового этикета. Как можно позволить какому-то графу занять почетное место рядом с монархом! С одной стороны мать, с другой – он. Спокойно ест, о чем-то беседует с герцогиней Ласси. Похоже, они давно знакомы. Если так, место императрицы уже занято: Ефимия не сомневалась, Ленар продвинет свою протеже. Не удержавшись, она мазнула взглядом по точеному профилю и сразу отвернулась.

– Эффи, ты так вилку ломаешь! – охнула Ми-рабель.

Девушка моргнула. Она не заметила, как стиснула паль-

цы. Улыбнувшись, Ефимия расслабила мышцы. На коже остались вмятины, в точности повторявшие узоры столового прибора.

– Нервничаю, – смущенно улыбнулась Ефимия.

Еще бы, не каждый день завтракаешь с тем, кого собираешься убить!

– Так что там с императором? – поспешила она вернуть беседу в безопасное русло. – Признавайся!

Участницы отбора в силу естественных причин разбились на группки. Ефимия оказалась в тройке с Мирабель и Элизабет. Обе ей нравились, поэтому в общении с ними она с легкостью перешла на «ты».

– Я полагала, он старше. Надеюсь, – кон-чики ушей Ми-рабель порозовели, – это не очень глупо?

Вместо ответа сидевшая по другую руку Элизабет ободряюще похлопала ее по плечу и взялась за Ефимию. Та едва не подавилась, когда дочь графа Экта лукаво заметила:

– Меня тревожит наша Эффи. Интересно, о чем или о ком она задумалась? Ест как птичка, вилки – ломает.

– Об императоре, конечно. В отличие от вас, я видела его только на гравюрах. Страшно до жути!

Как хорошо, что можно всегда прикрыться именем Вардена. И ведь чистая правда, будущее представление его величеству отзывалось дрожью в коленях.

– Ох, и мне так страшно! – подхватила Мирабель. – Что, если я опозорюсь? Он подойдет, заговорит, а у меня слова из

головы вылетят. Куда мне до светских львиц! Я глупая, отец всегда повторял, что из достоинств – одно личико.

– Меньше об этом думай, – посоветовала Элизабет и отправила в рот очередной кусочек творожной запеканки с ягодами.

Из всей троицы только она держалась так, словно завтракает в семейном кругу, а не под перекрестным огнем глаз всего двора во главе с императрицей-матерью.

– Тебе-то хорошо, – накинулась на нее Мирабель, – тебе замуж ни капельки не хочется.

– Не хочется, – подтвердила Элизабет. – Зато отец спит и видит меня императрицей. Сами понимаете, происхождение накладывает некоторые обязательства.

Ефимия, помрачнев, отвернулась. Она знала. Ее обязательство – не появляться в аристократическом кругу.

Скорей бы все закончилось!

Взгляд сам собой вновь обратился к первому министру. Как высоко он вознесся! Обошел родню Вардена, задвинул на второй план тех же герцогов Парских. У него наверняка полно недоброжелателей, никто не удивился бы, если бы после вон той чашки кофе Ленар закашлялся и больше не встал. Мечты, мечты! Ничего с первым министром не случится.

Как же она боялась и одновременно желала его видеть! Ефимия не сумеет убить Ленара. Пора признаться в постыдной слабости и придумать другой план мести. Напри-

мер, раздобыть компрометирующие графа документы и положить на стол императора. Для этого придется постараться, стать фавориткой отбора.

И тут он посмотрел на нее.

Ефимию обожгло холодом преисподней, стало трудно дышать. Гулко сглотнув, она склонилась над тарелкой, сделав вид, будто увлечена изысками местной кухни. Ленар все не отводил взгляда. Неужели что-то почувствовал?

«Что, если он узнает? Если уже знает?» – молоточками билось в голове. Тогда конец. Ее не просто выставят с отбора, это пустяк, граф окончательно разрушит жизнь матери, тети, Анны. И самой Ефимии. Вдруг ее отправят на эшафот?

Девушка практически задыхалась от страха. Помог глоток крепкого ароматного кофе.

– Ты покраснела, а потом побледнела. – Все эта Элизабет подмечала! – Он действительно симпатичный, вдобавок холостяк.

– Недостаточно симпатичный, если не носит короны, – отшутилась Ефимия. – Напоминаю, для всех нас существует всего один мужчина – император.

Да отвернись ты, отвернись! Неужели герцогиня недостаточно хороша? Или та блондинка в лиловом? На месте Ленера Ефимия бы с нее глаз не спускала.

Девушку разобрала злость. Хорошо, не хочет сам, отвернется она. И хватит гадать, знает он или нет. Соус к яйцу пашот бесподобен, даже если Ленар намерен ее казнить, Ефи-

мия съест все до последней капли.

– Он идет сюда! – взволнованным шепотом сообщила Ми-
рабель.

Ефимия только чудом не поставила на платье жирное пятно. Внутри образовался снежный ком. Какого труда ей стоило сохранять внешнее спокойствие, когда сердце колоколом ухало в груди!

Все ближе и ближе. Несомненно, первый министр направлялся именно к ним.

Как же не хотелось в тюрьму! «Я не попаду туда, не попаду! – мысленно горячечно шептала Ефимия. – Святой Вера-
сий, защити, отведи руку преступника!»

Девушка спиной ощутила: он здесь. Все это время она старательно изображала, будто не замечает Ленера. Сейчас это стало неприличным, пришлось отложить приборы и изобразить приветливый интерес: не каждый день рядом с твоим стулом стоит первый министр империи!

– Дамы, позвольте загладить оплошность слуг и вручить вам карточки.

От близости Ленера по коже разбежались мурашки. Ефимия слышала его ровное дыхание, слишком спокойное для человека с нечистой совестью. Тонкий аромат одеколona дурманом проникал в ноздри. Казалось, еще немного – и она задохнется.

– Вам плохо? – Граф обратил внимание на странный цвет ее лица и напряженный, словно перекошенный спазмом рот.

– Душно. – Ефимия с трудом расслабила окаменевшие мышцы. – А еще так волнительно. Я из провинции, милорд, буквально ослеплена блеском дворца, боюсь допустить какую-нибудь оплошность.

Ленар велел слуге открыть окно и заверил, что девушке нечего бояться:

– Никто не упрекнет вас за естественное в подобных случаях смятение. Пока я не вижу никаких оснований для страхов.

– Благодарю, милорд. – Должна же она была что-то ответить?

Ефимия осторожно покосилась на графа и убедилась: он ничего не заподозрил. Раз так, можно выдохнуть и послушать, зачем понадобились таинственные карточки. На проверку они оказались разлинованными листами плотной бумаги с императорским вензелем. Цвет карточек повторял цвет лент девушек. Если Ефимия все правильно поняла, они сродни журналу успеваемости, только записи в них заносил не учитель, а император. Разумеется, он не ставил отметок. Если претендентка нравилась монарху или он хотел оставить ей какое-то послание, то просил предъявить карточку. В финале отбора количество записей подсчитают и начислят дополнительные очки.

– Также каждая из вас получит шанс провести вечер с его величеством. Как минимум один. – Какое счастье, что Ленар обращался к Элизабет, на время оставив Ефимию в покое. –

Очередность встреч определяется императором. Он может самостоятельно высказать желание увидаться с вами или передать приглашение через слугу.

Графа тяготила навязанная ему роль. Из политика он превратился в сваху. Однако Ленар не мог бросить друга детства на растерзание претенденток, поэтому терпеливо раз за разом объяснял правила, отвечал на вопросы.

Стоило первому министру отойти, как Элизабет обратила внимание подруг на герцогиню Ласси:

– Первая счастливица уже определилась. Видите перстень поверх карточки Эрнестины? Сомневаюсь, что это ее собственный.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнула Мирабель. – Не хотела бы я оказаться в первых рядах!

– Тогда сразу поезжай домой. Надо мечтать о перстнях, платках и прочих знаках внимания, а не отсидеться в уголке. У тех, кого позовут в последнюю очередь, шансов на корону с гулькин нос. Ясное дело, начали с Эрнестины, недаром ей выпал белый цвет.

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась Ефимия.

Выходит, присвоенные участницам цвета не случайны и что-то обозначали.

Элизабет со вздохом закатила глаза.

– Эффи, да она своей лентой и карточкой в тон в общей гостиной хвасталась. Мол, самый благородный цвет и всякое такое. Я еще возмутилась, что всем карточки выдали, а о нас

забыли. А ты где была?

– Гуляла, – простодушно призналась Ефимия.

Ну не нравился ей устроенный в одной из комнат салон, лучше бродить в одиночестве, чем соревноваться в ядовитых уколах с улыбкой на устах. Мирабель туда тоже не заглядывала, читала у себя. Она привезла пару любовных романов. Видимо, училась у героинь искусству обольщения.

– Надеялась повстречать его величество? Или графа Митаса? – добродушно уколола Элизабет. – Не красней, на отборе есть не только главный приз, но и утешительные.

– Для меня существует только один жених – император, – немного резче, чем следовало, возразила Ефимия.

Аппетит окончательно пропал, она лениво ковырялась в тарелке. Впрочем, не только Ефимию тяготил парадный завтрак. Тут царили смертельная скука и поразительная тишина, нарушаемая лишь редкими шепотками. Даже Ленар общался с герцогиней Ласси вполголоса. Ястребиный взгляд императрицы-матери блуждал по лицам соискательниц, выискивая малейшие изъяны. Изредка она или ее сын обращались к девушкам с каким-нибудь вопросом.

Но вот наконец попытка закончилась. Как полагается, ровно тогда, когда император промокнул губы салфеткой. Дружно заскрипели стулья. Монарх еще раз холодно выразил удовольствие от знакомства с девушками и удалился. В следующий раз, совсем скоро, им предстояло увидеться на балу Открытия.

– Наконец-то можно выплюнуть палку, а то у меня уже спина разболелась, – пожаловалась Мирабель, когда императорская семья со свитой удалились.

– А у меня от улыбки сводит скулы, – подхватила Ефимия. Девушки дружно прыснули. Пара конкуренток осуждающе покосилась на них. Пускай, они ничего не нарушили.

Ефимии остро не хватало Анны. Она бы отвлекла от мыслей о грядущем бале. Девушка жутко переживала. Вдруг она наделает ошибок? Нужно быть идеальной, чтобы получить приглашение на randеву с императором.

Мирабель неуловимо напоминала сестру, поэтому они сдружились. Элизабет, в свою очередь, практически близнец самой Ефимии. Той, которой бы она выросла, если бы отец не связался с мятежниками.

– Ты не против, если мы заглянем в библиотеку? – предложила Мирабель и, смутившись, пояснила: – Я без книги заснуть не могу, а свои уже прочитала.

– Лучше бы прогулялись, – покачала головой Элизабет.

Ефимия подошла к окну и осторожно отодвинула занавеску.

– Пожалуй, сейчас я солидарна с Миррой. Я не горю желанием ходить с постной миной – ее величество как раз отправилась на прогулку. Отсидимся в библиотеке и пойдем после императрицы.

Путь к знаниям оказался тернист: когда девушки добрались до цели, они раз десять прокляли каблуки. Мучения

того стоили. У Ефимии разбежались глаза от обилия книг. Вот бы Анну сюда! Она, как и Мирабель, обожала читать, только вот с доходами Броксов больше одного тома в год не купишь. Для императора книги, безусловно, не роскошь, он скупал их десятками, если не сотнями.

Декорированный под старину сводчатый зал библиотеки казался бесконечным. Повсюду расставили удобные диванчики. Приставные лесенки помогали без труда достать фолианты с верхних полок. Пока Мирабель с помощью Элизабет выбирала романтическое успокоительное, Ефимия гуляла между рядами дубовых шкафов. Она пыталась вспомнить, какой была библиотека в их прежнем доме. В голове всплывала только лампа с зеленым абажуром. По иронии судьбы на отборе ей выдали именно зеленую ленту.

Жаль, в императорской библиотеке нет книг об отборах, зато найдется кое-что другое. Девушка воровато огляделась. Подруги далеко, спорят о художественной ценности очередной поэмы, других читателей нет, можно попробовать. Безусловно, имя отца могли вымарать, но Ефимия надеялась, где-то оно сохранилось.

– Никто не любит историю! – усмехнулась девушка, отыскав нужные стеллажи в самом дальнем углу библиотеки. – Люди предпочитают набивать собственные шишки, а не учиться на чужих ошибках.

Ефимия пробежалась глазами по корешкам. Все не то, общие труды. Она обходила шкаф за шкафом, пока нако-

нец не остановилась. Там за стеклом хранились одинаковые простенькие коричневые тома. Воспользовавшись приставной лестницей, девушка извлекла с полки хронику за нужный год. Пальцы ее дрожали. К глазам подступили слезы. Пару раз шмыгнув носом, Ефимия отогнала призраки прошлого и углубилась в чтение. Вот она, та самая война. Тогда генерала Брока провозгласили героем, чтобы потом сделать предателем.

Сражения, потери, политика – и ничего о людях. Хотя нет, вот. Ефимия улыбнулась. Таки не вымарали, не хватило духу. «После взял Амарф, заставив вражескую армию капитулировать», – прочитала последнюю строчку девушка. Прикрыв глаза, она воскресила в памяти лицо отца. Как жестоко время! Скоро оно полностью сотрет образ Эвана Брока. Он ведь не сидел дома, большую часть года проводил в казармах, спорах с министрами или на поле брани.

Погруженная в далекое прошлое, Ефимия не сразу слышала чужие шаги, а когда поняла, что сюда идут, убирать книгу на место было поздно, пришлось засунуть поверх других на первую попавшуюся полку.

– Вы? – Ленар и Ефимия задали один и тот же вопрос практически одновременно.

Девушка негодовала на графа. Хотелось взять его за грудки и прошипеть: «Убирайся! Хватит отравлять то небольшое, что мне осталось!» Но Ефимия не могла, оставалось надеяться причинить врагу вред силой мысли.

Ленар нахмурился. От него не укрылась нервность претендентки, вдобавок сложно не заметить открытый книжный шкаф. Взгляд быстро скользнул по полкам. Граф едва заметно улыбнулся. Вот оно! Корешок книги предательски торчал поверх стройного ряда собратьев. Не сводя взгляда с Ефимии, словно опасаясь, что она сбежит, Ленар вытащил один из томов «Хроник Рдожа». Удивление и подозрение только усилились.

– Не любовный роман. – Граф констатировал очевидное.

Ефимия напряженно молчала. Интересно, смогла бы она задушить его голыми руками? Умер бы первый министр, если бы девушка обрушила на него книги с полки? Вряд ли. Все хорошо в мечтах, в реальности он отделается синяками.

– И что же вас заинтересовало?

Ленар пролистал книгу и сунул под мышку.

– А вас? – сверкнула глазами Ефимия.

Застигнутая врасплох, обескураженная, она с трудом контролировала себя. Первому министру полагалось вершить государственные дела, а не таскаться по библиотекам. Или он заподозрил неладное, следил за ней?

– Не слишком-то вы дружелюбны! – укоризненно заметил Ленар.

Отчаянно пытаясь спасти ситуацию, исправить собственную оплошность, девушка ляпнула первое попавшееся:

– Я ждала другого, милорд.

Святые угодники, лучше бы она промолчала! Теперь он

решил, будто у нее есть любовник.

Ефимия незаметно вытерла вспотевшие ладони о юбку. Нужно как-то выкручиваться и впредь держать эмоции в узде.

– Кого же?

Судя по широкой улыбке объевшегося сливками кота, граф горел желанием сократить список претенденток еще на одну фамилию.

– Императора. Мне сказали, он направлялся сюда. Видимо, солгали, – сокрушенно развела руками Ефимия. – Слуги такие обманщики, напрасно перевела деньги.

Вроде сыграла идеально, убедительно.

– И вы надумали сразить его величество познаниями в истории?

Взгляд Ленара смягчился, и девушка мысленно выдохнула. Пронесло, он не связал ее с Броками.

– Хотела выделиться на фоне подруг. – Ефимия покосилась в сторону стеллажей с любовными романами.

Странно, Элизабет и Миранда до сих пор спорят. Выходит, графа они не видели. Раз так, он попал в библиотеку через потайной ход. Неприятное открытие! Не хотелось бы постоянно быть начеку.

– Так или иначе, вас дезориентировали, император сейчас совсем в другом месте.

Ленар повернулся спиной к Ефимии, сделал пару шагов, позволив жертве перевести дух, и нанес удар:

– И все же вам понадобилась именно эта книга. Вы могли взять любую с нижней полки, но зачем-то полезли на верхнюю.

Да, недаром он вознесся. Первый министр – опасный противник.

Ефимия мысленно досчитала до десяти и только тогда ответила.

– Совершенно верно, милорд. – Голос ее звучал спокойно, словно у невинной. – Я хотела найти сведения о принцессе Марианне, никак не могла вспомнить, в каком году та прибыла в Рдож. Она нравилась его величеству, возможно, почитай я о ней, смогла бы найти ключ к сердцу императора.

– Напрасно! – Поверил. – Его величеству не нужна копия принцессы. Но вы совсем сбили меня с толку! Я ведь искал вас.

– Искали? Зачем?

Сердце пропустило удар.

– Чтобы уведомить о желании его величества. Вы танцуете с ним второй, после герцогини Ласси.

– Почему? – глупо переспросила девушка.

– Вы ему понравились.

Странная она. И жутко нервничает, хотя всячески пытается это скрыть.

– Я рада, – хрипло отозвалась Ефимия.

В горле вдруг пересохло, пришлось смочить его слюной.

– И вы даже не спросите, кому отдадите первый танец? –

лукаво поинтересовался Ленар.

– То есть они все заранее расписаны? – предчувствуя беду, нахмурилась Ефимия.

– Именно. Честь идти следом за императором в паре с вами выпала мне, – граф нанес собеседнице очередной удар. – Собственно, поэтому я сообщил обо всем вам лично, а не послал слугу.

– Благодарю, милорд, – с натянутой улыбкой выдавила из себя Ефимия. – Это большая честь.

Определенно, судьба над ней потешалась. Сначала встреча в Зале одалисок, потом завтрак и, наконец, танец.

– Что-то вы не рады!

Воистину, неординарная особа! То львица, то трепетная лань. Грядущий бал уже не виделся Ленару тяжелой обязанностью. Он нашел себе увлекательное занятие – наблюдать за Ефимией Феррир. Откуда только она взялась! Без титулов, связей, но уверенная в себе, с хорошими манерами, явно образованная. Не девушка, а загадка!

– Милорд смутил меня. Прежде мне не доводилось общаться со столь высокопоставленными особами. В нашей глуши обычный лорд считался почетным гостем.

Небеса все же смилостивились над Ефимией, оборвав мучительный разговор. Ее позвала Элизабет, и девушка радостно сбежала. Ленар проводил ее задумчивым взглядом и, на время выкинув из головы странности претендентки на руку его величества, вернулся к делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.